

Илона Якимова

ТРЕТЬЯ ЛЕДИ
АРГАЙЛА

18+

Илона ЯКИМОВА

Третья леди Аргайла

«Автор»

2026

Якимова И.

Третья леди Аргайла / И. Якимова — «Автор», 2026

Приключенческий роман из истории шотландского Нагорья XVI века. Юная Кэтрин Маклин поневоле выходит за грозного графа Аргайла, чтоб обеспечить мир двум могущественным кланам. Но получится ли у нее самой обрести мир в новом доме? История о том, как два очень разных человека ищут и находят пути к друг другу вопреки всем силам, стоящим у них на пути, история о чести и верности, о мужестве и любви, о мире мужском и женском. Основано на реальных событиях.

© Якимова И., 2026

© Автор, 2026

Илона Якимова

Третья леди Аргайла

Шотландия, остров Мэлл, замок Дуарт, март 1545

Гиллеспии Рой Арчибалд Кемпбелл, граф Аргайл, по прозвищу «Бурый волк», сдвинув брови, молча смотрел на собеседника. На лице его было выражение между недоумением и неверием, хотя Аргайла, сорокалетнего, сурового, искушенного, смутить чем-либо было трудно, если не невозможно. На лице же вождя клана Маклин, сделавшего Аргайлу предложение короткое, в несколько слов всего, но весьма неожиданное, напротив, мелькала усмешка, но не слишком явная, чтоб не рассердить своей очевидностью гостя, чей нрав трудно назвать покладистым.

- Ты, видно, совсем рехнулся на старости лет, Гектор, - выговорил наконец Бурый волк. – На кой мне твоя девчонка?

- В доме должна быть женщина, Аргайл, так Господь заповедал чадам своим, дабы не жить во грехе.

- Да пусть Он и держит себе женщину в доме своем, там, на небесах, не имею возражений – но пусть Господь не мешается в мои дела. У меня двое сыновей, я дважды был женат и, слава Богу, наконец опять овдовел... обе бабы стервы были несусветные, царствие им Небесное, голубкам. Но чтобы третий раз?!

- С моей у тебя хлопот не будет, - возразил Гектор Мор Маклин, пройдоха из пройдох, убийца из убийц, мятежник все пятьдесят пять лет своей жизни. – Кэт – славная девчушка, разве только слишком уж воспитанная... коли понимаешь, о чем я.

- Не понимаю и понимать не хочу, Гектор. Цену нашего мира ты знаешь: моя дочь под венец с твоим парнем, на этом всё, ни кроны, ни человека сверху.

- Жаль, Арчибалд, очень жаль. А я-то думал, мы достигли соглашения... что ж, доброго пути, не смею настаивать. Младший Макдональд Даннивег думал свататься за Кэт, да я было подумал – удобней сыграть две свадьбы с тобою, раз ты приехал...

В светлых глазах Аргайла горел белый огонек, очень неприятный, но Гектор Мор продолжал ухмыляться – теперь куда уж отчетливей. Знал, сукец, что нужен сейчас Аргайлу, так нужен, что на любой шантаж может откликнуться. Угроза была понятна. Дочь Маклина – по матери также Макдональд из Даннивега, Маклин предлагал Кемпбеллу замирился с двумя родами сразу, а по отказу угрожал и нарушением мира с теми же двумя родами, а и, кроме того, еще был у Бурого волка в Маклине интерес... двадцать пять лет из своих сорока Аргайл «Бурый волк» провел во вражде, войне, сварах с Макдональдами и Маклинами, вождями Гебридских островов. Признать не хотелось, что Гектор Мор припер к стене старого врага, но если цена мира две свадьбы вместо одной, то лучше худой брак, чем добрая ссора.

- Не самый-то я годный жених твоей дочери, Гектор. Двадцать лет разницы, если не более. Наши дети больше подходят в пару, чем мы с нею.

- Это самый сок, Арчибалд, верь мне – я на Гленс женился, когда той пятнадцать было, у нас все, что надо, отлично сладилось. Кэт, Уна, Джайлс, Дженет, Гектор – все от нее понародились, покойницы. Так что, согласен?

- А что ты дашь за дочерью, Маклин, кроме мира? – осклабился Кемпбелл. – Стать графиней Аргайл нынче стоит дорого...

- Ни человека, ни фута земли, ни камня.

- Тогда в чем моя корысть, Гектор Мор?

- Так тебе же нужны деньги, Арчибалд, очень нужны. Жизнь при дворе стоит дорого, еще дороже стоит кровная вражда... А деньги у меня есть.

То была правда. Гектор Мор Маклин нагребил за всю свою жизнь столько, что мог бы выстроить второй замок Дуарт и купить второй остров Мэлл. Они торговались мелочно и ожесточенно, как могут торговаться только настоящие горцы – за каждое пенни, за лишнюю крону, но соглашение было достигнуто, а мир подписан. Бурый волк обязался отправить дочь в Дуарт не позднее середины апреля, с тем, чтоб она росла в доме жениха до вхождения в зрелость и осуществления брака, но сам жениться на Мэлле теперь же, сей же час, наотрез отказался.

- Присылай невесту и своих к началу мая, – сказал он. Гектор Мор, мы знаем друг друга двадцать пять лет, и сколько тут было свадеб, на которых жених не доживал до рассвета? Нет уж, пусть невеста с любым числом свиты прибывает в Ущелье, напоим всех, не скупясь. А брачный договор я подпишу тебе тут же, чтоб ты не рыдал, старый хрен.

- Ты, главное, заложничков верни, зятек, не забудь.

Аргайл оскалился, что при очень большом желании можно было счесть за усмешку:

- Получишь, получишь, и даже живенькими, не по частям!

Кемпбеллы ожидали вождя на дворе Дуарта. И хотя господин их, верховный судья Шотландии, персоной был не из тех, кого вдруг завалишь – если ты не бессмертный, конечно – поглядывали окрест весьма настороженно. Потому что Маклины, морские разбойники – народец, известно, гадкий. Столь же настороженно на горские черно-зеленые пледы посматривали сами Маклины. Когда бы не приказ Гектора Мора, Аргайлу тут бы многое припомнили, но Мор Маклин в своих играх с изменниками и прихвостнями сассенахов зашел так далеко, что его бы и галерный флот уже не спас... если бы Аргайл не явился взять его за горло и потребовать мира. Но вот только обратным хватом за горло Аргайла взял и сам Маклин. Две свадьбы вместо одной, вот же скотина...

Кривой Алпин дожидался господина внизу лестницы с крыльца и на правах знакомства длиной в жизнь рубанул сразу:

- Ну?

Аргайл не сбился с шага, утекая со двора старинного врага, а нынче предполагаемого тестя и уже точно свата:

- Что «ну», Кривой?

- Чем дело кончилось там, наверху? Отлипнет он от Дональда Ду али нет? У тебя рожа такая, словно Мор Маклин тебе прокисший эль сушеными крысами закусить предлагал.

- Хуже.

- Да что может быть хуже-то, Бурый?

Аргайл поморщился. Его кривило просто от того, что сознавал себя припертым к стенке, а деваться было некуда все равно:

- Мало ему одной свадьбы, сукину сыну, вторую желает.

- Колина или Арчи? – оба сына Аргайла гуляли еще на вольном выпасе, кабанчики.

- Если бы. Меня. А коли нет...

Кривой вытаращился на старого боевого товарища и господина так, что единый глаз едва из глазницы не выпал.

- Тебя?! Это он кого за тебя сватает? Вчера в холле за хозяйским столом не было ни одной девицы брачного возраста! Соплюху какую, что ли, с нянькиной куклой за пазухой вместо сисек?

Аргайл скривился:

- Да бес его знает, говорит, есть какая-то... Я б ему брачный договор с любой из дочерей подмахнул, пока они в возраст войдут... А там оспа или потница руки-то развязали б. Мало ли от чего девки дохнут, пока не созреют. Но нет же, он требует и осуществления брака не позже Белтейна.

- Об Майский день мы ж собирались Раналдам жопу драть! Когда жениться-то?

- А как-то промеж Раналдов, Кривой. Надеру и женюсь. А коли нет, не оторвать Гектора Маклина от Макдональдов.

- И ты, ясно дело, оторвал. Ну и женись, черт с ней. В хаггис покроем его девку, разберем на потроха. В третий раз овдовеешь, и всего делов.

- Не выйдет. Тогда он ответно покроем в хаггис мою дочь. А этого уж я не допущу, не за тем растил. Мор Маклин думает, что купил меня... что обошел меня. Меня! Так ведь я, хотя жениться и обещал, дать жить его сучке не обещал вовсе. Сам напросился, дурень старый, довольно было б с него и одной свадьбы!

Аргайл ослабил. Кривой понимающе захрюкотал.

- То есть, он меня выгодно продал, - заключила, выслушав новость, Кэтрин Маклин, старшая дочь вождя Гектора Мор Маклина.

Восемнадцать лет, щуплая пигалица, брови вразлет – в мать, глаза умненькие – в отца. Брат, Гектор Ог Маклин, Гектор Малый, морем вез ее из монастыря Айона, где та воспитывалась в ожидании подходящей партии, в родные пенаты. И вот партия нашлась, да еще какая, однако Кэт Маклин вовсе не считала ее удачной.

- Не совсем, - шмыгнув носом, уточнил брат. – Скорей, он подставил самого Аргайла и радуется этому от души. Но также еще и тому, что ты, Кэт, станешь графиней.

Гектор Ог честно считал сестру красавицей – ни у кого другого не видал он таких густых каштановых волос, чистый шелк, таких ясных глаз – в цвет голубого агата, таких изящных рук, которые одинаково ловко управлялись с пером и с иглой.

- Третьей графиней четвертого графа, - уточнила сестра, - если я верно помню числа, относящиеся к нашему старинному врагу. Значит, не хозяйка в доме и не мать наследника... выгодно быть третьей графиней, ты не находишь? А каково было бы тебе жениться на вдове вдвое старше тебя?

- Ну, тут совсем другое дело, Аргайл – мужчина, Кэт, на сей счет можешь не беспокоиться. Станешь его третьей леди. А потом сразу можешь остаться богатой вдовой. Сколько у него там еще простоит? Постоит-постоит да отвалится.

Молодые, особенно очень молодые мужчины, прямо скажем, юнцы, женщины не пробовавшие, предсказуемо считают, что жизнь в сорок лет завершается, а как же еще? Два взаимоисключающих пророчества, уныло думала Кэт, ежась под свежим ветром, налетающим на бирлин с севера: «мужчина» и «отвалится». Ни то, ни другое ее в равной степени не прельщало. Скрипторий в Айоне делался милей с каждой милей преодолеваемого до дома морского пространства.

- Это более чем вероятно, но не самая приятная причина, чтоб первый раз выйти замуж, да еще за мужчину, который тебе в отцы годится, - наконец сказала она. - Ты ведь женишься на его дочери?

Брат кивнул, сестра покривилась:

- Отлично... стало быть, я стану тебе тещей? Вот где разгуляться-то! Гектор, а отказаться мы можем?

Ог Маклин жениться обязался, конечно, но до той женитьбы было ему еще как пешком до Эдинбурга – невесте только восемь лет. Еще за восемь лет кто знает, что в мире переменится... может, и вообще помрет нареченная. Может быть, повезёт! А Кэт придется подкреплять собой мир с Аргайлом теперь же, скорейше. Ог пожал плечами, чуть извиняясь:

- Уже нет, оглашение состоялось, и договор, я слышал, подписан.

- Отцу скажи, приданое пусть дает книгами.

- Так их для этого потребуется купить! – возмутился брат.

- Вот пусть и позаботится напоследок, раз продал меня за ваш пресловутый мир.

- Кэт... Аргайл по полгода проводит при дворе, в Стерлинге, в Эдинбурге, неужели ты думаешь, у него дома не найдется книги?

Сестрица облила младшего брата взглядом, полным презрения:

- А ты не думал, что мне может их потребоваться *больше одной*?

На пристани Кэт задержалась, несмотря на пронизывающий ветер. Если верны перемены в ее судьбе, отчалив отсюда, море она увидит нескоро. Ей, выросшей на Мэлле, на Айоне, где море буквально везде, за каждым изгибом берега, предстоит жить долгие годы на суше, в глубине черствой земли, смотреть на горы и лес, и горная речка – все, что станет теперь водой для нее. Если, конечно, муж не позволит ей жить в Инверери, там есть хотя бы Лох-Файн – не море, но частица моря.

Муж. Очень странно было думать про такое. Никогда не было и вот взялось ниоткуда. Конечно, старшая дочь Великого Гектора Маклина и не думала, что судьба ее будет иной, чем выгодный для отца брак, но отец тянул так долго – девятнадцатый год пошел – что Кэт понадеялась: вдруг пронесет, оставят в обители, внесут аббатисе долей ее приданое. Но нет, не случилось. Господь даровал ей другую стезю, будем же идти по ней смиренно, не теряя присутствия духа. Ибо нет на земле счастья, но только на небесах, а на земле есть у смертной женщины долг.

Мор Маклин – король галерного флота, и Дуарт – величайшая твердыня острова Мэлл. Дуарт закрывает собой узкий пролив Мэлл меж островом и материковой Шотландией, большой землей. С большой земли – слухи, товары и враги. И главный враг все эти годы – ее нареченный супруг, Арчибалд Кемпбелл, граф Аргайл, чьи владения на суше кроют владения Маклинов на острове как бык овцу. А друзей у Мор Маклина и нет, он сам себе друг и надежда, никому не верит, ни с кем не водится. Разве что соблазнил его три года назад бежавший из Эдинбургской темницы Дональд Ду Макдональд, наследный король Островов, быть при беглеце правой рукой, верным помощником. Согласился Гектор Мор, но вот продал же своего господина Аргайлу, продал за две свадьбы, из которых одна – ее собственная. Кэтрин Маклин поворотилась спиной к морю и пошла прочь. Плакать хотелось нестерпимо, но что они изменят, те девичьи слезы? Продал отец, продал в графини и рад. А что она охотней всего осталась бы в обители переписывать старинные рукописи, маргиналии рисовать – кому какое дело? Были и прошли те дни. Теперь настали дни другие. Так, на ходу, и перекрестилась, покорствуя.

Во дворе замка Дуарт смешались в кучу люди, овцы, кони, собаки, дети. Но среди этой бурной, кипящей толпы перед детьми вождя тропа пролагалась сама собой: клансмены расступались, кланялись, старухи благословляли. Много детей у вождя – к крепкому роду, к доброй власти, много детей – к довольству и покою в этих краях. Кэт украдкой высматривала в толпе чужие пледы: если свадьба вскорости, то где клан Кемпбелл, где их цвета, где их вождь? Не усмотрела, выдохнула с облегчением, направилась через двор в башенные покои – бывшие материны, а после смерти госпожи Гленс здесь росли до девичества все дочери Маклина, выросла и сама Кэт. Вошла в старые, памятные стены, огляделась, велела нести чистое белье, горячую воду: к ужину надо выйти так, чтоб все видели достоинство леди, отраженное в ее облике, чтоб все осознали: старшая дочь вождя, просватанная невеста, вернулась домой. Не дешево проданная – выгодно, высоко просватанная. Что за странная прихоть судьбы: ей надо изображать покорство и даже довольство, хотя участи своей она вовсе не рада. Ей надо принимать нынче вечером поздравления от родичей и слуг по поводу посетившей ее высокой фортуны. Как же, подумать только, сам граф Аргайл...

Со стуком в покои вкатили бадью, начали таскать кадушки с кипятком, с ключевой водой, принесли и кувшин молока. Шмыгнули в покои служанки – готовить воду для молодой госпожи, а следом вошла и тетка Сорча. Сорче сравнялось сорок зим, как тому богоданному жениху Кэтрин, но дряхлой она не выглядела, в теле плотная, но со спины, случалось, до сей

поры за девицу принимали. Наверное, не всегда дряхлость приходит в сорок. Да и будь Аргайл по возрасту немошен, разве успевал бы он всё и везде – и в Нагорье, и на Островах, и при дворе, и на войне, и в суде. Может, и не придется Кэт вдоветь сразу же после свадьбы, придется жить с ним, рожать детей. Впрочем, Кэт и не знала толком – чего хочет больше, замужества или вдовства. Ни той, ни другой судьбы она, видит Бог, не выбирала.

Сорче Кэтрин обрадовалась, бросилась обнимать. Сорча Макдональд была матери покойной наперсница, подруга, дальняя родня, а самой Кэт – кормилица. Сорча усадила ее близ огня, сняла чепец, начала разбирать запылившиеся в дороге девичьи косы, вычесывать частым гребнем – и вдруг заплакала.

- Что, Сорча, неужель ты не рада за меня, ведь замуж выхожу, хозяйкой в доме стану?
- Рада-то рада... да никто не сказал тебе, девонька...
- Что?
- Да оборотень он, женишок твой, это на большой-то земле все знают.

Про Арчибальда Кемпбелла, четвертого графа Аргайла, на Мэлле говорили разное. Временами настолько разное, что оно не складывалось одно с другим. Перво-наперво называли его кличку «Бурый волк» и поминали резню, учиненную им на побережье еще году в двадцать пятом. Говорили, что он – оборотень, потому может в горах у себя бродить и ночью, и при полной луне, и ничего ему за то не будет. Говорили, что, как истинный оборотень, неуязвим для любого оружия, кроме заговоренного. Говорили, что в облики волка может он приказать хищникам не трогать его стад – и оттого коровы плодятся в Аргайле не как у иных, а жирнее. Говорили, что с бесовской сворой, из белых псов-оборотней состоящей, при пустой луне в самую черную ночь несется он по Нагорью Дикой охотой, подкарауливая заплутавших путников, и горе той девице, что встретится ему на пути – снасильничает и съест. А истинно совокупляется он с волчицами, ибо любовстрастием клеймен от Господа столь сильным, что двоих жен в могилу спровадил, именно забив тем пестом, которым не ячмень молотят. Волчицам самое оно, а живые бабы хотений его снести не в силах. Говорили, что мужчин убивает он, как иные молятся – с лютой страстью, но с хладнокровием, головы в бою не теряя. Говорили, что убитым врагам разрывает грудь, чтоб еще теплое сердце оттуда выжрать... словом, любили Маклины очень своего кровничка и соседа с большой земли. И вот за это всё разом предстояло выйти замуж старшей дочери их вождя Гектора Мора.

Если тебе тринадцатый год, это еще не значит, что ты не мужчина. Гектор Ог Маклин поднимался в покои к отцу, Гектору Мору, с разговором серьезнейшим. Беседа с сестрой заронила в его юную голову обоснованные сомнения в правильности готовящегося брака. Ну и что, что подписан договор... Пока невесту не отправили к жениху, пока не состоялось истинное подтверждение брака – на простынях – все еще можно сдать на попятный. С каждой минутой пребывания в родном доме, едва лишь Ог Маклин услышал, о чем болтают люди, брак сестры казался ему все более и более сомнительным предприятием.

Во дворе замка о том гудели все, и разговоры «он сначала трахает, потом, что осталось, жрет» до него донеслись немедленно. Ог был в ярости, но запретить болтать людям не мог – напрямую-то старшую дочь Маклина не поминали, а что там треплют про старого врага – так это всем на потеху. Но отдать любимую сестру за чудище с гор... Но если все так и есть, как болтают! Не то чтобы Гектор Ог верил сказкам про оборотней, но мало ли как бывает у них, в горах, они все одно нелюди, Кемпбеллы-то, оборотни или нет. За всю свою жизнь Ог не припоминал случая, чтоб отец озабочился его мнением или хотя бы к нему прислушался – что ж, придется Мору выслушать его теперь.

Гектор Мор вечерял у камина с кружкой горячего пряного эля, когда сын вошел к нему и поклонился. Отец махнул рукой, приближая, возложил длань на вихрастую голову, благословил – отнюдь не теми словами, что могли бы понравиться порядочному священнику, ибо Гектор Мор почитал равно и доброго Господа нашего Иисуса, и добрых жителей холмов и вод, проживавших на Мэлле задолго до Иисуса. Оно и понятно, один-то Иисус так поднять флот и лихо грабить соседей ему бы не поспешествовал.

- Батюшка, дозвоьте...

Ог на правах единственного выжившего, здорового сына пользовался большей свободой, чем сестры, потому зачин этот Гектора Мора удивил:

- Чего надобно?

Единым словом, как на духу, чтоб не забыть чего и не сбиться, пьянея от собственной дерзости Ог так и сказал:

- Дозвольте, батюшка, просить вас расторгнуть помолвку вашей старшей дочери и моей сестры с горским вырождаком, окажите Господню милость!

Вымолвил и замолчал, ожидая немедленной трепки, удерживаясь, чтоб не зажмуриться. Но Гектора Мор тоже только молчал да с интересом смотрел.

- Вот как? - наконец спросил. - Выродок? Жениться на дочери вырождака ты не возражал.

- Вы не спрашивали!

- Еще бы я спрашивал...

- А потом... Я – мужчина, мне защита в браке не надобна, не то, что Кэт. Союза с ним вам желательно? Вот пусть и будет мой брак Аргайлу ручательством за союз, зачем вам еще один?!

- Так слушай. И ты женишься. И она замуж выйдет, менять ничего не стану. Слишком уж большая игра – в цену всего нашего дома. Поймешь позже, если уж ты мужчина.

- А если он... убьет ее, как болтают?

- Не всё слушай, что болтают, чай, не баба. Не убьет, у нас его дочь. Я ему девчонку тогда по частям перешлю... А убьет... - Мор взглянул в окно, в ночные сумерки, столь же черным, как те, пустым взглядом. - Коли убьет, так тому и быть, значит, не срослось.

- Вам не важна ее жизнь и судьба? Не его, а вашей дочери?

- Мне не важна ничья жизнь и судьба – а хоть бы и твоя, и моя собственная – окромя жизней и судеб клана Маклин. А для клана Маклин сейчас нужна агница, чтоб замириться с волком... Твой-то брак когда еще будет осуществлен. А мне надобно, чтоб Аргайл уже сейчас – не потом, а теперь – через уд свой чуял, как я его за тот уд ухватил и держу... прорвой моей дочери.

- Да выродок же он, не человек вовсе, это ж всем известно!

- Да кто из нас-то не выродок? И что проку, какова цена в одной девке, коли она даже и дочь вождя? Бабыя судьба – подкладываться под того мужика, что скажут отец или брат, подмахивать тем, кому выгодней. От нее не убудет. Стерпится, коли не дура, бабам и по Библии терпеть положено. А коли стерпится, поднимется, родит ему третьего сына, покрутится при дворе – так еще и тебе в помощь будет, когда ты отправишься ко двору. А ты отправишься в свое время. Не век Аргайлу верховодить в нашем краю, надобно и приопустить его. Не сожрем сейчас – сожрем старого. А старым он станет довольно скоро...

- То дела дней грядущих. А Кэтрин за перестарка, за лысого оборотня идти на Белтейн. Не жаль вам ни красоты ее, ни юности.

- Да пойми ты, дурень, - сказал Мор Маклин наследнику. - Кабы я не взял за яйца могучего графа Аргайла, ни при какой погоде не взглянул бы он ни на одну нашу женщину... хоть половину острова давай за нею в приданое. Хоть остров весь целиком! Не ровня он нам и не друг, а в прежние времена – так вообще лютый враг. «Бурый волком» его знаешь за что прозвали? То-то же. Но теперь он хочет выслужиться перед королевой, там, при дворе, чтоб она не шваркнула его мордой об стол, как Гордона Хантли, сейчас ему наш мир нужен больше, чем

когда-либо... ничего, ночь переспит с этой мыслью, а другую уже станет спать с твоей сестрой! И на этом всё, я сказал!

- Но на свадьбу ее сам провожу, батюшка!

- Тебя, сынок, вроде кормилица головой-то об пол не роняла, чтоб подурнеть, а я тебя как умного зачинал... Ужли ты думаешь, я двоих детей разом Аргайлу дам на руки тепленькими в заложники?! И одной твоей сестры ему с лихвой хватит. Честный размен, девка на девку. Здесь сидеть будешь, в Дуарте, за стенами, если жизнь дорога...

- Дорога сестра. Маклинов сам с ней поведу.

- И если наследство дорого. Ослушаешься, хоть пикнешь – пойдешь матросом на самый худой бирлин!

Отступать надо было с достоинством:

- Кэт сказала, чтоб приданое давали ей книгами...

Гектор Великий окинул сына с головы до ног неприязненным взглядом. Выучил на свою голову. Один перечит, другая пререкается... хорошо хоть прочие давно просватаны, по надежным рукам рассованы.

- Ну, - спросил Гектора Младшего, - и сколько фунтов ей надобно? Пусть пожирней выбирает, потолще – велю отвесить.

Дни до отъезда, до середины апреля Кэт провела словно в забытии. Спросить отца о женихе, о грядущем браке не вышло – тот с первого только слова отослал ее проверять приданое, белье-тряпье готовить, да и только. Слухов о женихе, которыми полнился родной Дуарт, старалась она не слушать, чтоб не бояться до срока. Уж коли судил ей мученичество Господь и мать его пресвятая Богородица, так тому и быть, это честь – попасть через страдание на небеса. Так и в монастыре Айона говорили. Никто только не говорил из монахинь, что мученичество обязательно явится в браке, но, рассказывали, так бывало в прежние времена, еще при римских язычниках. Так и у нее. И ведь не за веру казнят ее родные, просто за то, что родилась женщиной. А разве она выбирала?

В приданое собрали, кроме книг, добра четыре повозки: сундуки с платьем, дорогие ткани, украденные у торговцев с севера, меха, немного пряностей, серебро и камень, виски с собственной вискикурни Гектора Мора. Тестюшка слал зятю и бочонок немецкого вина – распить на свадьбе – тоже честно добытый пиратством. Рыбу везли, соленую в бочках, те бочки смердели морем и слезами. Рыбу везли, вяленую в связках, и та припахивала. И будущее Кэт припахивало так же, хотя Гектор Мор пообещал языки отрезать всем, кто болтать станет дорогой, пока невесту в Аргайл везут. Видел батюшка, всё видел: и губы, сжатые в нитку, и глаза на мокром месте, и сведенные на поясных четках пальцы рук. Но хорошо, достойно держалась старшая дочь великого Маклина, и он ее за то уважал. Перекрестил напоследок, мазнул сухими губами по лбу, велел капитану отваливать с пристани на большую землю. Любимый брат обнимал крепко, как перед смертью, перед вечной разлукой. Тетка Сорча, стоя на палубе за спиной Кэт, глядя на удаляющийся берег Мэлла, на кряжистые башни Дуарта, шипела сквозь зубы невнятно, но явные ругательства – однако с бабой никто вязаться не стал, рот этой не заткнешь все равно.

С погодой повезло, на воде не болтало. Добирались двенадцать дней. Нет, чтобы в Инверри принять невесту – жених повелел тащить обоз через всю страну. На своих кораблях дошли до устья Клайда, там пришлось сойти на берег, и по суше до Ущелья везли Кэт полсотни своих да сотня Кемпбеллов, нарочно для того прибывших на берег ее встречать – и графа Аргайла меж ними не было. Но серьезно везли, чтоб ни у кого не вступило в голову баловать. Два штандарта колыхались над поездом невесты, башня Маклинов и лютый вепрь Кемпбеллов с явной угрозой девиза «Не позабудь». Криворотые – твари памятливые и мстительные, все верно.

Вот чтобы кое-что милостиво позабыл верховный судья Шотландии, великий и грозный граф Аргайл, на покупку памяти его и везут к нему девицу. Откупятся во имя общего блага клана. А ей только и ожидать, и молиться, чтоб муж не был жесток впустую, потому как наследники есть у него, дом есть у него, ему она, Кэт Маклин, сама-то не нужна вовсе. Не хозяйка в доме и не мать наследника, да. Невесту, привыкшую к мягкости волн вблизи Мэлла, при любой погоде неласковых, от колесной повозки и от мыслей растрясло так, что Кэт всерьез боялась опозориться, вывалившись из возка в свой новый дом в полубеспамятстве, бляя. Леди такое не пристало, будущей графине тем более, но что поделать со слабой плотью? «Доблесть – слава моя» – девиз ее семьи, вот и будемте соответствовать.

Дорогой было прохладно, и на сердце – всего холодней. Пути выбирали не людные, по возможности, не светили добром, несмотря на число сопровождающих. На пасмурный послеобеденный час в первый день мая, когда Кэт устала уже считать горы и холмы, находить меж них различия, каждый камень на вершине холма принимать за очертания замка, далеко впереди поезда повозок в междуречье выросла тень. Огромная, ледяная, то пропадая за лесом, то возвышаясь над холмами, над водами, всё крупнела она впереди.

Грег, капитан стражи графа Аргайла, велел завести пиброх и пояснительно махнул рукой для Кэт, подъехав к возку. Лицо его, густо заросшее бородой, неуловимо расслабилось по линии рта.

- Кемпбелл! – сказал он. – Ущелье...

И вслед взмаху руки его волынщики в голове невестина поезда согласно взревели пиброх «Кемпбеллы идут». Маклины подобрались ближе к возку своей госпожи, руки у многих сами собой легли на рукояти клейморов и дирков.

Шотландия, Кемпбелл-касл, прозываемый Ущелье, май 1545

Медленно взбирались на холм. Да что там на холм, на гору. Два потока обнимали ту гору, просачиваясь сквозь лес. Рядами обороны замка Кемпбеллов, издавна носившего имя «Ущелье», были сперва бурелом, затем вода, затем лес, а затем уж, собственно, стены. Миль пятнадцать всего до Стерлинга по прямой, а с виду вовсе медвежий угол... Ворота в тех стенах были узкие и низкие – разве двое всадников протиснутся в ряд. На стрелковой галерее поверху рассыпались арбалетчики, в самой стене узкие зевы вызверились на гостей жерлами пушек – по последнему военному слову оснащен был замок Кемпбелл. Еще бы, граф Аргайл славится своей артиллерией... И вот узкие кованые ворота растворились, и поезд невесты вполз во двор, и двор был полон народу, и стража из Кемпбеллов расступилась перед остановившимся посреди двора возком Кэтрин Маклин. Голова кружилась, к горлу от тряски и качки подкатывал комок, но Кэт сглотнула, взялась рукой за дверцу, другой – за платье, и, подпернув подол, чтоб не завалиться позорно, ступила вон, на мощный двор – из прежней жизни в свою грядущую.

Помимо обоих отрядов – Кемпбеллов и Маклинов – тут, казалось, сгрудилось все население Ущелья. Кэт окинула взором двор в чаянии увидеть вожда, хозяина, будущего супруга, кого ей надобно приветствовать – и опять не нашла. Ни один мужчина из клана Кемпбелл, собравшегося поглазеть на нее, не походил на великого и грозного графа Аргайла, ни один не двинулся встретить и предложить руку. На мгновение Кэт растерялась, и робость привела бы ее к неловкости, кабы капитан охраны Кэт, дальний кузен Лиам Маклин, хмурый долговязый рыжий детина, не шагнул к ней, выводя из возка, расчищая проход в толпе.

И тут наконец раздалось отчетливо откуда-то над головами людей, разорвав всеобщее молчание:

- Клан Кемпбелл приветствует тебя, моя госпожа!

И двор возопил нестройным ревом. А Лиам, ведя кузину через толпу, кривил рот, сплевывая через губу ругательства. Вел туда, где выше толпы, при входе в большой холл Ущелья, на широкой деревянной лестнице Кэтрин, вне себя от смущения за встречу, разглядела совсем молодого парня – на боннет приколото орлиное перо – подростка, но коренастого, со светлыми стальными глазами. Одет был парень по всем придворным правилам, не то, что большинство его челядинцев. И рядом с ним стояла девочка лет пяти, худенькая, хмурая, также уже во взрослого пошива платьице с фартингейлом. Девочка теребила в руках тряпичную куклу. Младшая, догадалась Кэтрин, сестра той, которую прислали в невесты ее брату Гектору. А парень, стало быть, ее будущий пасынок... Только вот который? У графа Аргайла пятеро детей.

Ведомая Лиамом, Кэт преодолела двор. Не забывай, говорила себе, улыбайся, поворачивайся, как та кукла в руках ребенка, отвечай старухам, что сквозь зубы желают тебе счастья, выдерживай оценивающие взгляды зрелых женщин и завистливые – девиц, делай вид, что не слышишь скабрёзных замечаний мужчин касательно твоей худобы и детского вида. Ты – Маклин, ты должна удержать лицо, отец твой – король островного флота, как бы ни честили его пиратом и вором косоротые Кемпбеллы. Но, Боже мой, почему ее не встречает жених? Какой там, впрочем, жених? Ведь с марта Аргайл уже ей и муж по контракту. Все, что требуется от нее теперь – лечь с ним, предоставить собственное тело, чтобы закрепить брак. И церковь нужна еще, прилюдное свидетельство священника, чтобы брак никто не оспорил.

Пасынок проявил вежество и сошел к ней на двор, ведя за руку девочку. И вместе они поклонились.

- Приветствую, моя госпожа, в доме отца моего, я Колин Кемпбелл, младший сын его милости.

- Я Дженет...

- Господин мой отец, леди Маклин, велел приветствовать вас как подобает. И велел извиниться за его отсутствие, мы ждали его милость домой еще третьего дня... Войдите же отдохнуть с дороги и готовиться к празднеству, ваши покои протоплены и ждут. Вот Элспет, она покажет дорогу. Часовня украшена и угощение готово.

Часовня украшена и угощение готово, постелена, небось, и брачная постель. Для закланья Ифигении все прибрано, лишь бы сохранить отцу попутный ветер в паруса, но жених, неюный уже Ахиллес, отсутствовал. Чем можно выказать большее неуважение к грядущему союзу с Островами? Или и ее, как ту древнюю, на самом деле ждет смерть на алтаре, не брачное ложе?

Лиам похоже, думал о том же, но простыми словами. Ведя ее в холл следом за Колином, так и буркнул вполголоса:

- Не бойся, Кэт, так просто я им тебя не оставлю. Нас маловато, конечно, но коли женишок не явится до исхода дня, повернем обратно. Гектор Мор не стерпит неуважения!

А я, думала Кэтрин, надо полагать, не в счет и должна стерпеть?

Уходя со двора в покои, она обернулась как бы на удар в спину – но то был взгляд, и мельком увидела темноволосую статную женщину, стоявшую на крыльце, глядящую вслед невесте. Во всем облике ее была негибкая сила, и мощь, и воля, как у хозяйки здешних мест – но только лишь на мгновение показались они, потом женщина молча запахнулась пледом, будто бы этим жестом погасила огонь.

- Элспет, кто она? Вот та... женщина?

- Эта? А, это Мораг Льялл. Его волчица.

И тут же прикрыла ладошкой рот, поняв, что, кажется, ляпнула что-то не то – по тому, как свирепо глянула на нее Сорча Макдональд.

До самых покоев Кэт молчала, переваривая услышанное. Сомнений не оставалось, ее прямоком посвятили в суть дела. Но что бы там ни происходило у Аргайла меж простыней со служанками, а уважение к своей супруге по контракту он выразил хотя бы в дороговизне и

добротности вещей в покоях хозяйки дома. Пол застилали не циновки – медвежьи и волчьи шкуры, шло тепло от протопленного камина, никакой сырости не тянулось от стен, завешанных шпалерами. Кто бы ни жил тут до Кэт – ах да, двое жен, коих он свел в могилу, согласно слухам, заездив на ложе – жили они удобно, уютно, дорого, цветисто. Вон, даже зеркало есть, да не простое полированного серебра, а прямо как настоящее, что у самой королевы. Небось, от первой жены осталось, та и была кузина покойному королю. Тяжко ей после них придется с Аргайлом на том самом ложе с резными столбиками, с тяжелым балдахином, украшенным кистями, на которое предстояло возлечь и Кэтрин. Сегодня же. Если будет с кем возлечь, конечно. Втайне она очень надеялась на Лиам – и его обещание покинуть Ущелье наутро.

Спускались на замок вечерние сумерки Белтейна, дня и без того непростого, а еще и оговоренного контрактом. Вдруг ей все же повезет, и Аргайл не вернется вовсе?

Элспет, все еще красная от своей глупой промашки, тпцась быть прощенной за неё, болтала без умолку:

- Его милость велели готовить все, как вы приедете. Гонцы к нему уж посланы. И кухни третий день дымятся, гости с неделю как созваны со всех сторон графства. Вот и сундуки ваши, госпожа. Ах, какие красивые, тяжелые! Должно быть, батюшка ваш для красавицы такой, для птички яркой денег-то не жалел! В котором платье желаете вы венчаться, леди Кэтрин?

- В чистом! - отрезала Сорча, упорно не замечая руку Элспет, протянутую за ключами от сундуков. - И сама их милость так же желает замуж выходить чистой! Где бы там жениха ни носило, изволь-ка прислать сюда свежих простыней и горячей воды, милая, невесту мыть будем!

Элспет, непрощенная и потому обиженная, отступила вон, а вместо нее в дверь покоев потащили бадью и кадушки.

- Сорча, что мне делать? Лиам говорит...

- То и делать, что собирались – мыться да замуж выходить. А что Лиам говорит, слушать без толку. Тут вы не в доме батюшки, тут стены покрепче будут, и до Мэлла нам далеко. Не дойдем, коли и отправимся. А что курица эта зазря квохчет, вам тоже слушать не след и думать об этом ни к чему. Такой соколицы, как вы, здешний замок не видывал еще, и дурак будет ваш великий граф Аргайл, коли того не поймет.

По омовению начало и смеркаться, со двора в окна потянуло духотой, у Кэт заломило виски. Расчесанные, начисто промытые волосы Сорча, командуя служанками, распорядилась отжимать сперва льняными полотенцами, затем досушивать у огня. Полюбовалась на темный шелк, стекающий до ягодич девы, велела вить локоны на щипцы, нести вышитую вуаль и чеканный серебряный обруч. Кэт оделась в зеленое – зеленый цвет есть в пледах обеих семей. Из материных драгоценностей выбрала серьги со слезами моря, с фигурным жемчугом, к поясу прицепила на цепочке помандер с гвоздичным маслом и четки, на шею – эмалевый скромный крест, оно и довольно бы, но Сорча настояла на хотя бы шести кольцах – чтоб все видели, что Гектор Мор выдает замуж старшую дочь богато. Время от времени забежала то Элспет, то Мэри, другая прислужница, спрашивали, не надо ли чего, они и принесли в комнаты перекусить. Кэт есть не могла, но велела, чтоб покормили ее людей – без приказа станут ли Кемпбеллы о них заботиться? Пришел Лиам, снова спросил, каковы ее намерения, не седлать ли? Выдохнула, перекрестилась, велела не седлать, ждать – раз назначено на Белтейн, значит, ждем до завтра вестей или самого.

А жениха все не было.

Собрались над Ущельем тучи, потемнело вокруг, сосны начали шуметь и стонать, шум приближающегося дождя накатился, как накатывается издали звук штормящего моря, и от близости этого звука к родному рокоту волн защемило сердце. Голова заныла.

А жениха не было, как не было и гонца от него. Ущелье постепенно поглощалось окружающим его ночным мраком, в коем пересвистывались, перекрикивались часовые, готовые вымокнуть на стенах в свой караул.

А жениха не было.

И тут бахнуло, и ярким разрядом молнии осветило раструб двора, в который медленно отворялись – внутрь – наружные ворота. Кэтрин, стоящая у окна, зажмурилась, отпрянула, перекрестилась. Первые капли упали на откос стены, брызги полетели в лицо ей, как чужие слезы. Когда она снова взглянула с башни вниз, посереде двора стоял взявшийся ниоткуда человек с ног до головы в черном. Человек молчал, но к нему сквозь ливень неслась прислуга. Вкруг него с громовым лаем вились, облизывая сапоги хозяина и лапаясь изо всех сил, два чудовищного размера и вида белых пса. Белые, но явное порождение тьмы.

- Пожаловал, - мрачно сказала Сорча за ее плечом. - Чтоб ему пусто было!

Засуетился управляющий, забегали служанки, слуги опять поволокли кадушки кипятка – точно же, ждали, а ведь вестника вперед не было. Всё было так, словно Аргайл и Ущелье, хозяин и замок составляли единое целое, дышали в унисон, как тела близнецов в утробе матери. Когда Кэт ступила в холл, хозяин был уже там, вовсе не черный, как ей показалось с первого взгляда, и без страшных собак, но в дорожном коричневом суконном дублете, в черно-зеленом плеле, который вовсе потерял цвет от влаги и дорожной грязи. Никто не назвал его, но в том не было и нужды: при взгляде на фигуру его, которая своей плотностью, скальностью как бы составляла в пространстве утес посреди моря, сразу было понятно – вот он, великий и могучий Гиллеспей Рой Арчибалд Кемпбелл, четвертый граф Аргайл. Никто иной им быть и не мог. А Аргайл стоял посреди холла, на выскобленный пол которого уже натекла приличная лужа с его одежд и сапог, и небрежно собачился с Лиамом Маклином. Кэт услышала лишь обрывок разговора.

- Отложить? Зачем? Да и с какой стати? Полночь Белтейна еще не наступала. Я дал слово, я сдержу его в срок.

Смотрела на него Кэт и думала: нет, с таким быстро овдоветь никак не получится, нечего и мечтать.

Тут Аргайл словно почувствовал взгляд и ответно глянул так, что первым порывом ее было отступить на шаг к стене, но Кэт Маклин совладала с трепетом. Шагнула, напротив, вперед, присела в реверансе. Граф скинул с обритой головы боннет, который тут же был подобострастно подобран с пола и унесен пажом, и ограничился кивком:

- Леди... - но не припомнил, видать. - Леди Маклин, прошу извинить мое опоздание, дела земель задержали меня. Но теперь поторопимся.

И в сторону женщин покосился Кэт, которыми верховодила Сорча:

- Невеста готова?

Никогда еще Кэт не приходилось выходить замуж – и выходить так скоропостижно. Часовня Кемпбелл-касла стояла украшенной со вчерашнего дня – и свечи прихотливо перемешались с рябиновыми венками Белтейна – исповедь невесты заняла менее четверти часа, глаза священника, седенького, старого отца Колума, казалось Кэтрин, наполнились состраданием. Уж он-то знает, кто истинно по природе его господин... А Кэт предстоит убедиться в этом нынче за полночь. Сам граф едва обменялся с отцом Колумом парой слов, войдя в часовню, встав под благословение. Видать, недавно исповедовался, грехов и не накопилось. Когда наконец жених явился пред домочадцами и Маклинами, переодетый в чистое, сразу стало видно, что Аргайл – не только лорд-конюший покойного короля и виночерпий, не только свирепый горский воин и верховный судья Шотландии, но вельможа из первых. Ниже пояса он был облачен в черно-зеленые цвета клана, в десять ярдов лучшего шерстяного сукна, прихотливо заложенных склад-

ками, в талии плед перетянут широким кожаным ремнем, украшенным серебряными чеканными бляхами, с ремня свисает спорран с эмблемой Аргайла, а выше пояса зеленый дублет сияет золотом вышивки, камнями в пуговичках, жестким воротником подпирая выбритый подбородок брачующегося. Клановая брошь «Не забудь» на плече. Толстенная, старинная золотая цепь с головой кабана на груди, она в роду со времен Роберта Брюса. Слухи ходили, Генрих Тюдор подарил ему на переговорах в Англии похожую, а то и побогаче, с камнями, но на той, сассенахской, болтали, Аргайл держит своих собак, выходя со двора, а носить брезгует. Брызги красок, света, блеск золота колец с пальцев отвлекали от истинной мощи его рук. Дорого-богато одет был великий граф Аргайл, но не казался при том смешным. Выглядел могучим вождем в полном облачении, никто из немногих виденных Кэт молодых людей не умел так носить придворного платья. Кэт чуть утешила такая перемена в облике хозяина дома: значит, все-таки не пренебрег союзом с ее отцом, выказывает должное уважение. Даже кузен Лиам немного упростился лицом.

Кэт чаяла рассмотреть Аргайла подольше, хотя бы украдкой, однако граф к долгому выставлению себя напоказ расположен не был, принял ее руку от Лиамы Маклина и повлек невесту к алтарю. Не глядя на невесту при этом.

Боннет под святым сводом скинул небрежно, словно делая Всевышнему одолжение. Профиль жесткий, как каменный, по нему ничего не понять. И бритый начисто, ни бороды, ни усов. Господи, странно как – не только голова, но и лицо лысо. Как такое руками трогать? Или лучше вообще не трогать? Мысли лезли в больную голову Кэт совершенно глупые. Она старалась не думать вообще, просто перетерпеть, но так было еще страшнее – от неизвестности. Служба казалась ей в тот день нестерпимо долгой. Обычные христиане венчаются поутру, она же выходила замуж в полночь Белтейна, когда, известное дело, отворены все холмы, да еще за врага, слывающего оборотнем. К добру ли?

Священник запросил согласие новобрачных, и согласие было дано.

Священник дал причаститься святых тайн и поднес чашу – разделить новобрачным.

Венчальная месса началась, и длилась, и длилась, и качалась под сводами старой часовенки каждой нотой – и вот наконец, окончилась.

При объявлении брака свершенным дикие вопли и вой потрясли как своды часовни внутри, так и стены замка снаружи нее. Кемпбеллы и Маклины орали, выпуская пар, накопившийся от встречи старинных врагов. В первую минуту Кэт испугалась, но муж легко сжал руку, удерживая ее страх, и она поняла – то были крики радости. У Сорчи Макдональд глаза опять были на мокром месте. Несшая трен невесты крохотная, полусонная Дженет Кемпбелл, теперь уже падчерица, тихонечко протянула мачехе измятый букетик горных фиалок, Кэт наклонилась и поцеловала ее. Когда же выпрямилась, муж наконец коротко прошелся сухим ртом по ее губам.

Так на Белтейн тысяча пятьсот сорок пятого года Кэтрин Маклин, старшая дочь Гектора Мор Маклина Дуарта, обвенчалась с Гиллеспии Роем Арчибальдом Кемпбеллом, графом Аргайлом, по прозвищу Бурый волк, став ему перед Господом и людьми третьей по счету женой.

И грянул пир. И зажглись костры Белтейна – и во дворе, и по склонам холма вокруг.

Сколь бы холодным и нелюдимым ни выглядело Ущелье к приезду невесты, с возвращением хозяина замок ожил и потеплел, словно какой-то колдун вдохнул в него настоящую жизнь. Столы Аргайл распорядился уставить везде: и в холле сколько вошло, и на дворе, где ночь выдалась влажная, но теплая, и лужи подсыхали после прошедшего ливня. За теми столами Аргайл собрал не два клана, а как бы не всё графство – тут были вожди буквально каждого септа, обязанного ему верностью. Свадьба – хороший повод пересмотреть и подтвердить союзников, Аргайл ничего не делал зря, никогда не упускал возможности. Был и придворный

люди, но той публики Кэт не знала, потому и не запомнила никого, кроме графини Сазерленд с супругом, сестрицы Аргайла, была она вылитый Аргайл на лицо, разве что не лысая. Остальные, кто пил здравие Аргайла и его супруги, в гудящую голову Кэт зашли, как простое перечисление имен, и так же вышли оттуда. Для даров новобрачным внизу помоста с их столом установили отдельный, небольшой, и на нем громоздились меха, сумки, ткани и даже отрезки шелка, ларцы с побрякивавшим содержимым, пол поблизости был уставлен бочонками с элем и виски, часть из которых открывалась тут же, содержимое подавалось гостям. Аргайл ничего не делал зря – кто бы ни захотел отравить чету, ему пришлось бы перетравить половину графства, и дураков не нашлось. Сам пил ответно на каждое здравие и пожелание, не хмелея, не меняясь в лице, а ел умеренно, аккуратно. Дублет его не страдал от потегов мясного соуса, а в бороде, как у иных, не застревало ключев мяса и волокон репы – потому что не было той бороды. Были звериные, холодные глаза на вполне человеческом лице. Время от времени, меж здравниц, покидал он кресло за столом, чтоб лично встретить особо важного гостя – как, например, когда прибыл гонец от его кузена графа Хантли. С тем гостем он вовсе вышел из холла перемолвиться словом без суеты.

Лиам Маклин отнекивался необходимостью блюсти караулы, пока молодая графиня Аргайл, уловив момент, не подозвала кузена к себе и не велела сесть за стол всем.

- Так, Кэт, голубка, и прирежут, коли не следить, всех!

- Лиам, тут сколько нас – и их сколько. Захотят – всех прирежут и так, будете вы пить или нет, за столами или на дворе. Граф – человек чести, слово свое сдержал. Он с нами теперь породнился дважды. И родню мою резать не станет...

- Как же, человек чести... Кемпбелл-то! - но за стол Лиам сел, и пил за ее здоровье, и ел за четверых.

- Верно, не стану, - раздалось над ухом графини. - Однако! Считаешь меня человеком чести...

Она вздрогнула. Голос его был все еще чужд слуху, привыкнуть не успевала за спешкой. Муж сел рядом совершенно бесшумно, пододвинул кубок с горячим, пряным вином:

- Выпей, Маклин. Согреешься и голову попустишь.

Она подняла глаза, встретила с ним взглядом и снова словно бы обожглась:

- Если вы не помните, ваша милость, то мое имя Кэтрин.

- Я помню, Маклин.

И это было всё, что муж сказал ей за брачным пиром.

Волянки воем рвали голову в ключья, волянщики обоих кланов состязались в умении, не шадя живота своего.

Кэт потеряла счет гостям, желавшим Аргайлу многих новых сыновей, прославлявшим ее красоту и могущество соединяющихся семей. Ночь свадьбы длилась и длилась, а рассвет все не настаивал. Хотя брачный пир, и поздравления, и танцы, которые в паре с мужем ей же пришлось и открывать, измучили ее несказанно, она была благодарна Господу и всем его ангелам за то, что время остановилось – час, в который ей придется стать жертвой Бурому волку на ложе, всё отдалялся. Потому что Кэтрин Маклин, теперь уже Кэтрин Кемпбелл, ужасно боялась узнать правду – а кому, как не жене, не в постели, понять это – что стала супругой нелюдя. Да и как человек Аргайл внушал ей не меньший страх: ведь ясно, что брак этот навязан ее отцом, что ценить и шадить ее ему не за что, она для него – негодная, докучная вещь, данная в придачу к союзу с Гектором Мор Маклином. Мужчине не нужно убивать постылую жену и тем самым брать явный грех на душу – достаточно и просто сделать ее жизнь невыносимой, а потому и недолгой. И простенько начать с брачной ночи... Держась с превеликим достоинством, вежливо принимая поздравления и дары гостей, Кэтрин молилась только о том, чтоб этот пир

продолжался вечно – или чтоб умереть тут же, до осуществления брака, и быть похороненной непорочной, в зеленом свадебном платье.

Однако же час настал. Перед смертью воистину не надышишься. Ничто ровным счетом не переменялось ни в музыке, ни в криках полупьяных гостей, ни в воздухе холла, ни во времени ночи, но муж повернул к ней голову, прервав тихий разговор с ближним клансменом, и велел вполголоса:

- Маклин, ступай к себе, отдохни.

Молвил вполголоса, а услышали почему-то все. Дамы в зале, супруги важных гостей, принялись переглядываться и перешушуваться, мужчины начали ржать и вышучивать нетерпение жениха – жених не повел и бровью – а после леди собрались вместе и под водительством спесивой графини Сазерленд, сестры Аргайла, повели Кэт в спальню.

Невесту требовалось подготовить к закланию, стало быть, сперва разоблачить, потом облачить снова. Кэт так это и воспринимала, измучившись от головной боли, которая не унялась и после грозы – что ее увивают лентами, как праздничного барашка, чтоб воздвигнуть на пасхальный стол. Ягненочек, ягненочек, зачем ты такой румяный? Чтоб завлечь тебя, Бурый волк. Кэт с трудом сдержала истерическое хихиканье, оно вряд ли было бы понято правильно суровой золовкой. Слава Богу, не сама хоть раздевала, Сорче доверила. Дабы освежить, обтерли до розовости ягненочка душистой теплой водой и льняными лоскутами, вновь расчесали волосы, облекли в сорочку, обильно расшитую шелком и от того раздражающую нежную кожу, возложили на алтарь... Тьфу ты, на блюдо. На постель с пуховыми перинами. Затем дамы надежно задернули плотный балдахин и, гуськом покинув покои, оставили Кэтрин Кемпбелл дальше размышлять о ее незавидной судьбе. Любая другая счастлива была бы, что выходит в богатый дом, за одного из первых вельмож королевства, а она... Она предпочла бы столь завидной судьбе монастырь Айоны и скрипторий его, да Господь не велел. Кэт сперва сидела некоторое время, прислушиваясь к удаляющимся шагам, потом крепче закуталась в одеяло и на мгновение только опустила ноющую голову на подушку, ища хоть какого-то облегчения...

И уснула. Видимо, от ужаса.

Непоправимость своей бестактности Кэт осознала, когда прогнулась постель под весом крупного мужчины – и проснулась. Так и есть. Муж пришел, он в своем праве, что тут скажешь. Сейчас начнет... осуществлять. А еще ей было ужасно стыдно. Она! Она – и заснула в ночь собственной свадьбы, словно пьяная деревенщина. Она, Кэтрин Маклин, дочь Великого Гектора Маклина! Тело свело от неудобной позы во сне, болели спина и шея. Она подскочила рывком – догорали свечи, оставленные у постели, полог был распахнут, а в ногах напротив нее сидел сам Аргайл и смотрел на нее. Рассматривал, прямо сказать, свое случайное приобретение, которое не вернешь обратно – покуда смерть не разлучит. А, может быть, о той самой ее смерти и думал...

И против воли руки Кэт сами натянули одеяло по грудь и выше. Хотя что он там мог рассмотреть-то в сорочке. В ответ раздалось то ли хмыканье, то ли фыркание, и правда, родственное звериному. По лицу мужа в полутьме она не поняла ничего, а тот поднялся с постели, принялся расхаживать по комнате, с чем-то завозился возле камина... А Кэт мучительно соображала, как теперь, в ситуации и так полностью ужасной и непоправимой, правильной поступить. Ничего не скажешь, вежливо начала совместную жизнь. Язык прилип к гортани, от неловкости она не могла молвить ни слова. И не знала, что делать. Совсем.

А муж-то явился как был, со свадебного пира, наверное, при полном параде – сорочка, пахнувшая тяжело и остро, дублет, тартан в сложной, складчатой намотке, как, видела она, носили только здесь, в Ущелье, широкий кожаный ремень, за который вот он взялся, расстегивая, снимая спорран... Господи Иисусе, он же раздевается! Сколько она спала? Или он пил так долго? Спросонья было трудно определить час ночи.

Аргайл тем временем, не меняясь в лице, впрямь расстегнул тяжелый пояс, весь усеянный серебряными кованными бляхами, снял дирк, открепил плечевую брошь вождя и десять ярдов наилучшего шерстяного сукна – синий, зеленый, черный, просновка белая и желтая – скатились с него, словно соленая морская волна со скалы, открывая во всем великолепии зеленый бархатный дублет и плотно расшитую черным шелком, завязанную по вороту сорочку, а под нею широченные плечи, кряжистый торс мужчины в годах уже средних. Ничего себе, он как камень, из тех, что море окатывает на глубине, камень, равный по всем сторонам.

Аргайл тем временем перешагнул грудку ткани, лежавшую на полу, и принялся избавляться от дублета... И только когда муж наклонился, вытянул из голенища сапога скин-ду да кинул нож в изголовье постели со своей стороны, за подушки, на отдых – тут только до Кэт дошло, что надо было обслужить супруга самой, и она, вдругорядь побагровев, подскочила с постели – хотя бы снять сапоги с Аргайла.

А тот все еще не говорил ни слова, только смотрел, как она суетится и молчит. Ну почему, почему монахини в монастыре и кумушки на Мэлле учат всякий день о чем угодно, кроме нужного – как говорить и что делать с мужчиной в брачную ночь? Кэт понятия не имела, что и как делала в супружеской спальне мать, а после смерти матери отец вдовел уж который год, не торопясь венчаться с женщинами клана, гревшими ему постель. Тех не спросишь, они не расскажут, что положено делать одной из Маклин с мужчиной, чтоб он не счел ее распущенной. Сорча – та попыталась, но Кэт так мучительно смущало происходящее между мужчиной и женщиной, что она толком и не поняла ничего. Таинства все-таки надо узнавать как-то иначе. К Деве Марии вот послали ангела благовестить. На ангела Кэт не рассчитывала, но тут-то могли бы найтись хоть какие-то взрослые порядочные женщины ее круга... а их не нашлось. Золовка, змеиная головка, смотрела на нее, как будто прокисшего эля глотнула. Как на пустое место смотрела, вдобавок грязное.

Кэт наклонилась, сняла с мужа сапоги, выпрямилась и поняла, что стоит совсем рядом возле мужчины, глядит ему в рот. В линию недоверчиво сжатых губ на гладко выбритом лице. Выше, в глаза, посмотреть не осмеливалась. Глаза у Аргайла были чисто оборотничьи, это она еще в церкви увидела, как его, нелюдя, от святых таинств корежило. И вот теперь что, думала Кэт, сожрет или просто изнасилует? Брак ему этот не сдался ни разу, жениться женился, а дать жить не обещал. Что слова какие-то повторял в церкви – так с него как с гуся вода любые слова, это еще отец говорил, клятв им порушено немеряно. Что с волка взять... Волк и есть.

Волк тем временем так же молча чуть наклонил голову, придвинулся, скользнул губами по шее... Она вздрогнула. На плечи, возле той шеи, легли тяжелые ладони, хватко легли – она и дернулась, ничего не могла с собой поделать. Пальцы чуть погрузились в плоть... и вдруг одним мощным движением Аргайл развернул жену спиной к себе.

Сел на постель, усадил меж своих раздвинутых ног. Нечто горячее и твердое ощутила она ягодицами через полотно сорочки. Кемпбеллы на свадьбе ржали, что пестом их вождя можно каменную кладку пробить, и желали невесте железного передка, чтоб не кончиться нынешней ночью в супружеских утехх. Басни эти расслаблению Кэт определенно не способствовали. Говорят, есть те, которые любят сзади, запретно, не по-людски... этот из таких, что ли? Кэт сидела, ни жива, ни мертва, стараясь не ерзать, чтоб не распалить в муже его оборотничью сторону. А тот ничего не делал. Даже грудь не мял. Сперва прижал к себе, засунул нос в волосы у нее на затылке под чепцом и дышал туда. Вынюхивал что-то. И впрямь, чисто волк. Потом отпустил плечо, дернул завязки чепца и с головы его и вовсе стащил. И сделал совсем странное – пальцы обеих рук запустил ей в волосы так, что голова Кэт поместилась меж ладоней его, как детский мяч, совсем в тех руках утонула.

Кэт разглядела руки Аргайла пока что гораздо лучше самого Аргайла. Плотные, крепкие лапы горца, жилистые, мускулистые, твердые, словно из бронзы отлиты, и предплечья все в шрамах. И вот эти руки, предназначенные и выученные убивать, сейчас держали ее голову,

словно крупный орех – вот-вот расколет – слегка сжимали, но от них в пульсирующие от боли виски шло целительное тепло.

Никто не готовил Кэтрин Кемпбелл к тому, что в брачную ночь ее муж, сливающий оборотнем и зверем, станет растирать ей больную голову. А вот поди ж ты... Разминал затылок, шею и плечи, проходясь по каким-то ему одному ведомым больным точкам – она очень старалась не хныкать, потом взялся и за верх спины. От первого прикосновения шарахнулась, но не обратил никакого внимания, продолжил. Руки его оглаживали спину жены безо всякой чувственности, даже жестко, а завершил он, снова размяв ей затекшую шею.

- Спи, Маклин, - сказал наконец, выпустив ее, откидывая меховое покрывало на постели рядом с собой, отвечая на невысказанный вопрос. – Утром.

Утром она проснулась от поцелуя в нос.

- Жаль было будить тебя, ты во сне такая хорошенькая, но дело не ждет. Отдохнула?

- Да... - пробормотала она, снова возвращаясь мыслями к неизбежной неприятности.

Вот зачем он дал эту отсрочку? Теперь снова готовиться, и бояться, и терпеть. Единственное, что она поняла, почуяла за эти несколько часов, что спали они бок о бок – наверное, не все так плохо. Сразу, по крайней мере, не сожрал, но это значит, придется все же выдержать и совокупление.

- Послушай, Маклин. Будь моя воля, я б оставил тебя погулять телочкой, пока не привыкнешь ко мне, не захочешь меня, но этот старый черт, твой отец, велел отправить ему твою рубашку с нынешней ночи. Я открою тебя быстро и коротко, даю слово, но больно будет все равно.

Вес свой, устраиваясь на ней, держал больше на руках, вздутых в плечах буграми мышц, чем накатывался на женщину, но все равно Кэт ощутила себя придавленной каменной плитой, задыхающейся, и отвернулась на сторону, лишь бы не видеть потемневшего лица мужчины – очень ей было стыдно задранной до пояса сорочки, своих раздвинутых голых ног, прикосновения к ним мужского тела и вообще животной стороны совокупления. Ощутила то самое, твердое, горячо коснувшееся чувствительной кожи, ткнувшееся в низ живота, а после – куда-то и еще ниже. Боль и впрямь появилась, тупая, тянущая, и от неудобства позы, и от неумолимости его продвижения защититься было нечем. Надо было терпеть, терпеть, терпеть, а боль все не кончалась. Против воли гримаска показалась на ее лице, Кэт закусил губу, задержала дыхание. Пыталась не умом, но телом, которое впустую мучают, вывернуться, но муж не дал. Какая ему разница, что ей нелегко, он мужчина, вот и насыщается привычным образом.

- Дыши, детка... и давай-ка, кричи, не стесняйся. Иначе люди твоего отца донесут ему не то, что нам надо.

Он вошел.

Она закричала.

Наутро Лиаму Маклину и его людям была предъявлена ночная сорочка их леди с мазками подсохшей крови и предложено было – со всем почтением – немедленно убираться восвояси. Из всей прислуги, посланной с Кэтрин, муж разрешил остаться разве что полудюжине человек. Госпожа золовка изволила сменить гнев на милость и завтрак принимала в холле с гораздо менее кислым лицом, чем вчера. Девушки из служанок и прачек – не все, но некоторые – осматривали, как показалось Кэт, молодую графиню с плохо скрытой завистью, и это весьма удивляло. Ей не было никакого искуса пережить еще раз брачную ночь. Но по той зависти Кэт поняла, что среди своих хозяев Ущелья слыл хорошим любовником. Чему только тут завидовать? Сидеть было больно, каждый шаг напоминал о ране в нежном месте. Единая скорбь женская судьба от самого грехопадения Евы, что уж тут скажешь, разве что радость материнства когда-нибудь примирит с необходимостью совокупления.

Наутро первой пришла Сорча, привела местную лекарку, вместе они осмотрели и подмыли Кэт, постановили, что всё прошло как нельзя лучше, Гектор Мор будет доволен, а там, глядишь, еще и дедом станет в будущем году. Мужа (молодым мужем Аргайла можно было именовать разве что в шутку) при пробуждении Кэт уже не было в замке, отбыл по своим неисчислимым делам. Это время Сорча, оставшись с Кэт наедине, использовала, чтоб выяснить подробности и восполнить пробелы знаний молодой графини. Ее саму более всего интересовало, есть ли на Аргайле оборотничья метка. Кэт призналась, что не рассматривала.

- Долго мучил-то?

- Нет... Наверное... То есть, мне всё равно было долго. И что люди находят в этой мерзости, Сорча? Противно, липкое всё там, пахнет... Люди ужасно пахнут. Особенно мужчины.

- Что ж тут такого, и помыться можно. А находят... Поймете, леди, со временем. То, что я слышу тут, в замке, что говорят в людской – граф мужчина в силе, скучать в постели вам не позволит. Он излился в вас?

Правду сказать, Кэт не ощутила и точно не знала, но он же пробыл в ней сколько-то времени, хотя обещал коротко.

- Конечно... а куда еще-то?

Тут Кэт узнала разное – что мужчина может слить семя на тело женщины, на простыни, в ночную вазу, если не желает зачатия. Это хорошо, что Аргайл поступил по-правильному, значит, она не противна ему, как женщина, как жена, как мать будущих детей. Значит, он не держит зла и на ее отца также – за устроенный поневоле брак. Кэт на этом объяснении осязательно почувствовало, хотя между ног болело существенно. Ну, да она не из неженки, что ж теперь.

Второй раз уже был не так неприятен – да и муж выждал неделю, прежде чем снова прийти. Кое-что Кэт даже сочла терпимым.

Шотландия, остров Мэлл, замок Дуарт, май 1545

- Погоди, Гектор... что значит – замужем?!

- То и значит, замужем. За Аргайлом.

- За кем?!

- Ты чего орешь? И, главное, на кого?! За Аргайлом. Графиня теперь моя Кэт. Третья леди Бурого волка.

Йан Макдональд Даннивег бледнел и краснел попеременно, затем упер руки в пояс, ненавязчиво зацепив большим пальцем левой руки рукоять дирка. Красивый был мужчина Даннивег, рослый, светловолосый, яркий... Немножечко, конечно, фазан, но ничего, умело запечь сгодится, хладнокровно размышлял Гектор Мор Маклин. И жару прибавил:

- Опоздал ты со своим сватовством, Даннивег...

- Это не я опоздал, а ты не сдержал слова!

- Но-но! Слова никакого не было, Даннивег! Помолвки не было тоже. Ты все мычал да телился, думу думал, а свататься не пришел.

- Хотел, знаешь ли, живьем невесту глянуть – уж не ряба ли теперь стала, не коса ли... Для того сейчас и пришел, что разговор у нас с тобой был о том в прежние времена, а вон оно что! Старый ты лжец!

- Рыбам кормлю, малец, даром что родич. Глянуть ему, видите ли... Надо было, не глядя, брать, вон как Аргайл, он бумагу подписал сразу, как я ему намекнул – и нет разницы, кривая, косая или глухая... Переборчив ты слишком! Разве ж глухота жены настоящему мужчине помеха? То ж благословение Господне! А кабы немая была – так той вообще цены нет!

Гектор откровенно глумился, Даннивег это так и понял. Йан был зол, очень зол. Кэт он помнил смутно, еще по детству, когда та навещала родню в его краях, когда Гектор Маклин еще не звался великим и не брезгал заключить брак со своими, как полагается, а не с криворотыми

Кемпбеллами. Предварительный уговор с его отцом у Маклина был, помолвки и впрямь не было, так что Даннивег выходил сам виноват, когда по зиме заговаривал с Маклином о браке, но не настоял на немедленном его заключении. И эта своя вина, ее осознание, злили Даннивега все больше. Девка девкой, хотя девка, что уж, красивая, да теперь она поята Аргайлом, порчена, но ничего, любые бабы вдовеют при удачном стечении обстоятельств. А вот то, что он собирался стать зятем Маклина и получить в приданое часть его флота бирлинов...

И Йан, глядя на несовершеннолетнего тестя, прищурился и ощерился:

- Ты, старый хрен, решил отпасть от короля Островов, я гляжу, да на сторону горского оборотня переметнуться... Так это у тебя не выйдет, Богом клянусь и всеми ранами Христовыми! Я твою дочь достану из-под земли и женюсь на ней по обычаю, принятому в наших краях, как договаривался с тобой мой отец. Это я тебе, Маклин, говорю сразу, открыто, чтоб ты знал – не выйдет у тебя долго быть тестем графу Аргайлу, язви его в печень горячка! Не выгорит!

Но Маклин и бровью не повел:

- С Аргайлом делай, что хочешь. Но чтоб у Кэт с головы и волоса не упало!

- И что ж, ты не станешь возражать, коли я отниму ее у Аргайла?

- Не, ну если ты с клинка возьмешь бабу самого Аргайла... тогда я тебя не только зятем назову, но четверть галер моих отдам в полное владение, родненький ты мой. А, может, и целную половину... Ступай с Богом!

И Маклин поганенько захихикал.

Гектор Ог Маклин со стены Дуарта видел, как причалил бирлин Даннивега, как ссыпались с него ребятки. Еще четверть часа – и будут здесь. Макдональды из Даннивега приходились детям Маклина родней по матери, и Кэтрин, и самому Огу случалось гостить у них, в Даннивеге было обычно шумно и весело, и много разновозрастной ребятни. Старший кузен Йан Макдональд Даннивег был заводилой в этой компании до тех пор, пока не подрос настолько, чтоб от детских забав перейти к взрослым морским набегам. Ог спустился во двор, но родича застал только после того, как тот, уже нахмурившись, покинул покои Гектора Мор Маклина. С лицом Йана, обычно пребывающего в добром духе, сейчас творилось что-то смутное, и Ог было наладился не попасться ему на дороге, но кузен заметил первым, и первым же шагнул с приветствием, уже просветлев лицом:

- Доброго дня, Гектор Ог. Сам по здорову ли?

- Благодарствую, кузен Даннивег.

Гектору Огу очень было приятно, что Йан Даннивег говорит с ним, как с мужчиной, не как с ребенком, несмотря на разницу в возрасте и боевом опыте. Опыта у Ога было пока чуть да маленько, в отличие от Йана Даннивега, которого в четырнадцать считали бывалым воином, а сейчас Даннивегу уже и вовсе двадцать четыре. Какая лютая жалость, что отец перерешил, что выдал Кэтрин за старого Аргайла, не за молодого Даннивега, по которому с ума девки сходят половиной Дуарта, который и в поле боец, и бирлином командует, как урожденный моряк. А бывалый боец, любимец девок далее вел разговор:

- А что твоя сестрица Кэт, Гектор? Слыхал я, замужем?

- Замужем, Йан... В марте еще отец подписал бумаги.

- Экая жалость, я ведь приехал, чтоб повидать. Ну, дай ей Бог... Шлет ли вести, благополучна ли?

- Того не ведаю, да, надеюсь, Господним промыслом благополучна, - Гектор благочестиво перекрестился под цепким взглядом Даннивега. - Вестей не шлет, да и не с кем. Аргайл, как женился, всех людей наших отослал из Ущелья... Отец не пустил меня проследить, что да как, Лиам отправил, Лиам сказал, гуляли свадьбу со всем уважением, не придраться.

- А охотою ли Кэт шла за старого Волка? Я ж ей был нареченный, неужели не опечалилась перемене?

- Опечалилась, как же нет. Вспоминала тебя, Даннивег.

То была правда. Обычно кроткая и послушная воле отца сестра сказала в сердцах, что лучше б за Даннивега, коли уж вовсе брака не избежать и на Айону не вернуться.

- Сказала, что лучше бы за тебя, раз уж не в монастырь. Вот в монастыре Кэт больше хотела остаться, чем замуж, честно-то говоря. Очень ей книги тамошние по нраву – у нас нет таких, хоть отец и велел сыскать – да и вышивка у монахинь ей полюбилась, выучилась она ей.

- Ну, с Аргайлом она не книжки читает, это уж наверно. Такую красотку, как сестра твоя, в монастырь совсем ни к чему. Ей бы замуж за молодого да детишек побольше. По сердцу она мне, твоя сестра, жаль, что Гектор Мор решил по-иному. Я-то в памяти храню ее, не забуду, где ж такую забыть...

- И мне жаль, кузен Даннивег. Кэт – моя любимая сестра.

- А желаешь ли, я снесу к ней весточку от тебя?

Бирлин Йана Даннивега тем же днем отчалил от Мэлла, но отнюдь не на большую землю, а на Острова дальше. Было у него дело за островами. Был человек в Ирландии, кто душу продаст за то, чтоб уничтожить Аргайла – а уничтожив, он покарает и Гектора Мора за предательство союза. Ог Маклин будет убит, наследником флота Мора Маклина станет зять, муж старшей дочери.

Что ни миля, лежащая под брюхо бирлина, тем больше эта мысль грела сердце Йана Макдональда Даннивега. И спешил он к некоронованному королю Островов, находившемуся теперь в изгнании в Ирландии, ожидавшему там английских денег для вторжения в Шотландию с запада, Дональду Ду Макдональду. Три года Дональд Ду не мог достать своего кровного врага и соперника Аргайла, три года Аргайл отбивал любые атаки на побережье и скидывал Ду в море, как тюленью падаль, но теперь есть за что зацепить Бурого волка. У Аргайла есть баба – значит, есть уязвимость. Бабу можно украсть, бабу можно продать, за бабу можно потребовать выкуп. А можно еще взять выкуп, а потом и убить Аргайла, если свезет. А если свезет, так, потешившись, Дональд Ду отдаст вдовую графиню Даннивегу – а с ней и флот Мора Маклина, а с ней и земли, которые Аргайл назначил, не мог не назначить ей во вдовью часть. Это ж какая тогда житуха настанет!

Настроение Йана Даннивега улучшалось с каждой морской милей, пройденной его бирлином в сторону Ирландии, он посвистывал чайкам, кружащим вокруг судна, ему казалось, что их крики предвещают ему легкое, скорое обогащение.

Шотландия, Ущелье, май 1545

С правой руки тек ручей Заботы, слева ручей Печали, посредине на скальном выходе, охваченное ими, стояло Ущелье. Кемпбелл-касл, замок туманов, логово Бурого волка Аргайла, ее мужа и господина. А теперь еще и дом самой Кэтрин Кемпбелл. Она никак не могла привыкнуть к тому, что она Кемпбелл, хотя бы потому, что муж называл не крещеным именем, а именем ее родных, ее клана, словно в насмешку – но без насмешки. Называл, будто отгораживаясь от любой близости, всякий раз напоминая, что пришлая – и приходил почти каждую ночь. Ложиться с ней имя ее клана ему никак не мешало. В постели с ним было спокойно, он больше не причинял боли – ни случайно, ни сознательно, и был, по словам Сорчи, с которой теперь советовалась Кэт (не с золовкой же, право слово), в своем поведении за пологом настоящий лорд. Что в это слово вкладывала Сорча, Кэт не очень понимала, наверное, то, что не бил, при соитии не мучал и ничем запретным для церкви заниматься не заставлял. Про запретное Сорча говорила шепотом и многого не пояснила, но то, что Кэт успела понять, ее ужаснуло.

Еще непривычной было оказаться хозяйкой огромного дома – а Ущелье было велико даже в сравнении с немаленьким Дуартом. Но и Дуартом ведь Кэт не управляла сама. Зато помогала в монастыре матери аббатисе с подсчетом закупок, распределением провианта, выполняя работу старенькой сестры-кастелянши, ведала прачечной, выдачей одежд и чистого белья, а готовить и понимать в кухне выучили ее еще когда, еще при живой матери. Уроки эти при необходимости всплывали из тумана памяти и вставали на свое место. И вот эта необходимость пришла, теперь предстояло разобраться со всем хозяйством, обустроенном в замке, с его амбарами и припасами. Можно, конечно, было довериться управляющему и ключнику, но что это за порядочная леди, которая не знает, как установлен порядок ее собственного дома?

А весь порядок ее нового дома вращался вокруг светила, и светилом, как поняла она уже, был муж и господин. Сказанное Аргайлом говорилось им один раз, и всем следовало исполнять его слова незамедлительно и без искажений. Другого закона в Ущелье не знали и старались его не нарушать. Слуги стлались, отпрыски, Колин и Дженет, называли Аргайла «ваша милость», маленькая Джен иногда осмеливалась на «батюшка». Колин был равнодушно-почтителен и с отцом, и с мачехой, Джен с обоими робка. С пасынком Кэт пока не понимала, как разговаривать – благо, он и не питал к разговорам с ней интереса, а вот с девочкой собиралась договориться без труда, имела опыт, чай, у нее самой несколько младших сестер в Дуарте.

В первый день свой в положении молодой графини Кэт увиделась с хозяином Ущелья в полдень, уже за обедом. Явился с конного выезда, пропахший своим и лошадиным потом, одетый по-простому, только в рубаху и тартан, той рубахи рукав в локте надорван... молчком кивнул жене, жестом велел пажу поднести таз, чтоб умыться и сполоснуть руки, вытерся, сел за стол и тут заметил на рукаве прореху:

- Эй, там. Подайте чистое, а это снесите, как обычно, до стирки пусть подошьет...

Потянулся, как тянется, проснувшись, хищное животное, тут же, не стыдясь, переменял сорочку на чистую, взялся было за хлеб и взором споткнулся о недоуменное лицо молодой жены:

- Что не так?

- Милорд... А прочесть молитву?

- Так прочти.

То есть, если б она не сказала, он бы начал есть?! Кэт, запнувшись было от такой невероятной вольности в общении с Господом и заповедями церкви, прочла *Pater nostrum*, и муж, наскоро подтвердивший «аминь», приступил к еде. Ел тоже хищно, много, как воин, прошедший день в поле, но аккуратно, что отметила еще на брачном пиру. Швее замковой вон рубаху отослал, значит, вещи бережет, это тоже хорошо, добрый хозяин, не расточительный. Тут рачительный хозяин кивнул стюарду, кравчему, выждал, пока блюдо ему наполнят и всё то же положат жене, повернулся к ней и глянул в упор. От взгляда его прямого Кэтрин все еще всякий раз хотелось зажмуриться, так тот взгляд был остер – чисто наточенный скин-ду. Глянул и сказал:

- Маклин, я не имею привычки часто жениться, потому сделай так, чтоб мне не пришлось что-то повторять дважды или быть с тобой... грубым. Ты кажешься неглупой девочкой, должна понимать, - так звучало то, что муж думал об их семейном согласии. - Теперь по дому. Все твоё, кроме моего. Если нужно что-то из тряпок или побрякушек – перешей, переделай прежнее, оставшиеся от тех, там вроде довольно было женского хлама, а не хватает – спроси у меня. Будешь хороша – всё куплю. Бери любые ключи, ходи везде. По хозяйству всё скажет управляющий, и пусть идёт, как было. В темницы ходу тебе нет – да и делать там нечего. В покои ко мне тоже не ходи, сам приду. Да в каморку, где рядом спальня моя – ни ногой, от нее самый маленький ключ. Зайдешь – узнаю. Если жива останешься...

- Отчего бы тогда не снять ключ со связки, милорд?

- Оттого, что я не желаю. Он может понадобиться... на связке.

Кэтрин не очень понимала мужнино «будешь хороша», но что-то в выражении его глаз подсказало ей не переспрашивать, ясно, что не о хозяйстве речь. Речь о том, что по-прежнему не доставляло ей особого удовольствия – о постельном. Далось же мужчинам это постельное.

Тот, первый день она провела вроде как не в себе, но понимала, что если желает стать не новой вещью Аргайла, одетой в тряпки, перешитые от тех, прежних, увешанной их же побрякушками – нет, благодарю покорно, ларчик, оставшийся от матери, позволял ей носить ее собственные кольца и серьги, хоть и бедноваты они были к статусу графини – если она желает стать своей и мужу, и замку, и к тому, и к другому надо приложить руку. И руки надо прилагать немедленно, пока хозяин Ущелья не привык еще, что она – вещь. Пока к тому не привыкли и все обитатели Ущелья тоже. Потому на другой же день Кэтрин попросила призвать к ней замкового управляющего. Им оказался высокий жилистый Роберт, разумеется, Кемпбелл, дальний родич графа по линии деда, человек в годах ближе к преклонным. Но остроты зрения и едкости ума Роберт Кемпбелл с годами отнюдь не утратил. Юная невысокая дама, которой едва шел девятнадцатый год, безусловного подобострастия в нем не вызвала, однако был он почтителен по должности и отвечал на все вопросы Кэтрин незамедлительно. Видно было, знал по хозяйству действительно всё. Но и Кэт не только что от кормилицы отлепилась, знала, какие вопросы о чем следует задавать. Чем дальше она спрашивала, а Роберт отвечал, тем больше одобрения показывалось в глазах управляющего. Кухни, кладовые, припасы, гардеробные, пивоварня, курятник, свинарник, овчарни – не было того, о чем не мог ответить Роберт третьей леди Аргайла. Но, кроме вопросов, надо было бы глянуть и самой. И запросила ключи.

- Ключи все у ключницы, госпожа моя, последние двадцать лет. Ни первая, ни вторая леди Аргайла ключей у нее не брали, им и так всё годилось. Первая леди, Элен, мать его милости мастера Арчи и леди Джен, все больше при дворе любила бывать и к хозяйству расположения не имела. Вторая леди, Маргарет, мать их милостей Колина, Маргарет и Дженет, больше трудилась не по амбарам да кухням, а по лекарскому делу да травам. Очень это любила и уважала, сама огород держала для разных лечебных растений, светлая ей память.

- Родами умерла?

- Да нет, горячкою, младшей, леди Дженет, три года сравнялось, вот тогда.

- Горевал его милость?

Казалось, этот вопрос поставил старого Роберта в тупик. Пожевал губами, подумал:

- Да как обычно.

- Я, Роберт, в травах немного понимаю, но на сад ее посмотрю с удовольствием.

- Какой там сад, госпожа. Так, с цветами и травой палисадничек, сада в Ущелье с нашими-то ветрами не вырастишь. Да и почти пропал он весь, не взыщите, со смертью леди Маргарет. Садовник-то позапрошлой весной помер от старости, царствие ему Небесное...

- Так сыщите парнишку, кто станет мне помогать. Наверняка среди ваших детей или внуков есть тот, кто сможет копать для меня землю.

И тут, кажется, Роберт первый раз посмотрел на новую леди со вниманием.

Хорошая госпожа хороша не только тем, что следит за внешним – за платьем своих домашних, не только тем, что следит за внутренним – за их едой и здоровьем тел, но тем, что не оставляет попечением души своих ближних. Вслед за беседой с управляющим Кэтрин направилась в часовню Кемпбелл-касла. Зелень и цветы, которыми позавчера украсили к ее свадьбе маленькое помещение, уже увядали, из крошечного окна над алтарем лился солнечный свет, и запахи ладана, умирающих плетей рябины, усыхающей травы, горького травяного сока образовывали странную смесь ароматов, рождающую в сердце волнение, печаль и надежду. И священник, казалось, удивился тому, что она пришла.

- Чем, миледи, могу служить?

- Это я должна спросить, чем могу служить, отец мой, и не нужно ли чего-либо вам для часовни, для украшения стен, для славы нашего Господа и матери его Марии...

- Слава Господа в людях, госпожа моя, кои чтят, не в украшениях стен. Я вижу, что вы понимаете...

- Как могу. Мессу, отец Колум, будем служить однократно в обычные дни и дважды – по воскресеньям.

- Как угодно, дочь моя. Отрадно видеть в новой нашей госпоже столь чистое христианское рвение к праведной жизни...

- Но если что-то все же потребно вам для служб, чего-то не хватает – скажите, я попрошу его милость...

И рукой провела по вытертому плату на алтаре, кончиками пальцев ощущая все прорехи, все узелки тонкой, но очень, очень старой вышивки:

- Чья это работа?

- Бабушки милорда Аргайла.

- Я обновлю. Надо выбрать картину из Писания.

Подошла под благословение и первый раз за все дни в Ущелье посетила ее мысль, что она все делает правильно.

Вернувшись к себе, Кэтрин вспомнила о мирском и велела позвать к ней ключницу, ожидая, вслед за Робертом и Колумом, увидеть седовласую даму в возрасте весьма преклонном. До сей-то поры эта достойная особа новой графине на глаза не показывалась, хотя, несомненно, все свадебные приготовления проходили при ее живейшем участии. Но когда в покои Кэт вошла ключница Кемпбелл-касла, молодая графиня в первый момент не смогла поверить увиденному.

Та самая, черноволосая, чей взгляд пропорол ей спину, как нож, когда пасынок Колин встречал ее в отсутствие Аргайла.

Та самая, кого ей называли волчицей Аргайла.

Не старше самого Аргайла, нет, и прямо сказать, женщина в цвете лет, невероятно красивая, к тому же. Поклонившись без малейшего почтения, хотя и вежливо, стояла она перед графиней, выпрямившись, отнюдь не смиренно. Да что там стояла. Не смущалась, глядела прямо и говорила еще прямей:

- Вы изволили звать меня. Я Мораг, ключница. Вам уж наболтают всякого, госпожа моя, так я сама скажу. Он больше не спит со мной, как у нас бывало в юности, не извольте беспокоиться.

Невероятное достоинство было во всей фигуре ее, соблазн и сила в линиях роскошной груди и сильной спины, настоящая богиня по стати и роскоши тела, не Богоматерь, нет, но богиня древняя, страшная, мощная. От такой надобно держаться подальше, сказала себе Кэт, молиться, защиты просить у святых. От такой за милю веяло ворожкой.

- Он? - переспросила прежде, чем успела мысленно одернуть себя.

- Господин граф, его милость, - отвечала Мораг, странно глянув на Кэт – как на деревенскую дурочку, с явной жалостью.

Про Аргайла в Ущелье говорили – Он, так что тут же виделась внутренним взором прописная буквица, вся украшенная завитушками и сусальным золотом, такие и сама Кэт не один раз рисовала на пергаментях в скриптории Айоны. Он – и сразу понятно, о ком речь, никого другого, называемого так, с понижением голоса в интонации, с суеверным, раболепным почтением, в Ущелье просто и быть не могло. А Мораг говорила без раболепия о бывшем любовнике, даром что господин, но так, что сомнений в их былой близости не оставалось никаких. Вот, значит, у кого хранит ключи от своих кладовых великий и могучий граф Аргайл...

Нутро перевернуло от ее слов, несмотря на смысл сказанного. Потому что словам, честно сказать, Кэт не поверила. Если оно и так, что ж пришла похвалиться? Вот и молчала бы, раз уж у них ничего нет. Но с кем-то, может, у него и есть. А если так, то лучше знать сразу.

Мораг молчала и смотрела на графиню в упор – все так же смутительно, стоя перед госпожой в позе несогбенной, и молчание грозило затянуться.

- А с кем он спит... из челяди?

- Из челяди... госпожа моя, он ни с кем не спит. Кроме вас. Если вам угодно, я расскажу, коли узнаю. Всё расскажу, что спросите – и про ключи, и про амбары, и про припасы, где что лежит... и про него, была бы на то ваша воля.

Надобно было как-то выпроводить готовую к услугам красавицу, потому что Кэтрин чувствовала себя все более смущенной, разговаривая с бывшей любовницей мужа, хоть и понимала, что всё, что было у них, было чуть ли не до ее, Кэтрин, появления на свет. Давным-давно, то есть.

- Спасибо, Мораг... за то, как был накрыт стол и вычищены покои к моему приезду. Это ведь твоя работа?

- И моя тоже, госпожа. Рада услужить вам.

- Благодарю, Мораг. Ступай!

И только когда за роскошной в теле ключницей Аргайла затворилась дверь, Кэт сообразила, что не взяла у той ключей, за чем, собственно, и звала.

- Вот интересно мне, она первым двум так тоже докладывалась? - буркнула Сорча, проводив Мораг неприязненным взглядом.

- Кому – двум?

- Да прежним женам его... бесстыжая!

Этот разговор надо было как-то замять, отвлечься, и потому Кэт велела звать комнатных девушек – к ней муж приставил уже двоих – разбирать сундуки. Платья ее интересовали не слишком – дорогой обошлись без дождя, стало быть, просто достать, перетряхнуть, развесить в гардеробной... Ох, гардеробная! Надо же еще разобрать платья прежних леди Аргайла, которые супруг столь щедро подарил ей. Это уж завтра, а на сегодня достаточно прикосновений к прошлому ее мужа. Кэт желала вернуть себе присутствие духа и велела достать не платья, а книги. А также перья, пергамент, кисти, краски, чернила.

Аргайл не поспешил, подарив новой жене гардеробы обеих прежних – тряпок впрямь оказалось довольно. И ларец с украшениями также был полон изрядно: частью там хранились фамильные драгоценности Аргайлов, частью тут было наследство маленькой Дженет. Но пока жива третья леди Аргайла, а девица Кемпбелл не вышла замуж, ларцом распоряжаться ей, Кэтрин. В жизни не видела столько причудливых вещей... Колец вон одних столько, что пальцев рук не хватит надеть в три ряда.

Мать мастера Арчибальда и леди Джен была выше Кэтрин, мать мастера Колина, Маргарет и Дженет – изрядно толще к моменту своей кончины. Ни одно платье не село на хрупкую фигуру Кэтрин – и то были богатые придворные наряды, с узким лифом на жестких костях корсажа, с фартингейлами на дюжину обручей и тремя нижними юбками, атласными и парчовыми, каждый. На платьях леди Элен хотелось порой зажмуриться – так густо лиф бывал усажен камнями, жемчугом и золотым шитьем, на платьях леди Маргарет глаз отдыхал, они и скроены были поудобней. У нее придворных нашлось немного, а от домашнего, зановошпиганного, за время вдовства графа, видать, кто-то уже успел избавиться. Она прожила дольше первой леди, чаще рожала, ей было важно, чтоб кости лифа не впивались в раздавленное от родов и кормлений тело, чтоб было привольней в платье работать в саду, навещать бедных в своем приходе, а не танцевать на балах. Танцевать, к слову, Кэт почти не умела – только простое

самое, танцевать для хозяйства не нужно, и этому в Айоне не учили. Обувь обеих леди также не пришлось Кэтрин по ноге.

- Добрый человек его милость граф, - постановила Сорча. - Но бережливый, зараза. Вам бы новое пошить, хотя и этому найдем применение. Завтра же распорю пару платьев да перелицуем на вас, что получше. Для Ущелья сгодится.

Кэт не хотелось вспоминать про мужнино «будешь хороша – всё куплю». Не думала она, что когда-нибудь получится стать для него «хороша», ему такие, как Мораг, под пару, кому мужская алчность до женского тела только в уладу. Она так не может, ей с ним страшно всегда – хоть чуть-чуть, хоть самую малость.

- Не надо, Сорча, пока обойдусь своим. Батюшка сукном да тесьмой не обидел.

- А с этим что делать станем? Вот, рукава точно в дело пойдут, да вышивку спорю с платьев.

- Платья леди Маргарет не тронь пока. Травкой подуховитей пересыпь, пусть дожидаются в сундуках обеих ее дочерей. Они пусть и перешивают, это их память.

Платья да обувь – что, чай, не нагая приехала в мужнин дом. И Кэт, счастливо вздохнув, снова открыла сундук с книгами и ларчик с перьями, чернильницей, кистями и красками. Работая в скриптории Айоны, Кэтрин научилась не только переписывать книги, но и рисовать – украшать рукописи причудливыми буквицами или изображать небольшие картинки, оживляющие поля манускрипта. Рисовала она только самое простое – сложные фигуры и события ей не давались – но делала это с большим удовольствием. На прощанье мать-аббатиса подарила любимой воспитаннице – за проживание которой вдобавок Мор Маклин щедро вносил не только деньгами, но зерном для эля, молоком и сыром – набор кистей и немного красок. Вещи то были дорогие, как и пара пергаментных тетрадок. О тех тетрадках Кэт давно думала – во что бы превратить нужное и полезное? На маленькую книжечку их было довольно, но она никак не могла решиться, что бы такое туда вписать. Сейчас за разбором письменных принадлежностей, за перебором книг – Евангелие, житие святой Агнессы и святой Катерины, Ветхий завет от Матвея, Кэт читала и по-гречески, и по латыни – ответ пришел сам собою.

И когда муж вечером вернулся с выезда по окрестностям, за ужином его встретил вопрос:

- Ваша милость, есть у вас семейный псалтырь?

- Семейный что? Сила небесная... Спроси о том отца Колума, Маклин.

Аргайл, отвечая, даже на мгновение перестал есть, не в силах поверить, что ему так повезло с женой. Потом только покрутил головой и снова уткнулся в блюдо с тушеным зайцем.

Она привыкала месяц, а то и больше, к тому, что прошлого не вернешь, а дом ее теперь здесь, и надо в нем быть хозяйкой. Проще всего взаимопонимание достиглось с отцом Колумом – старик был рад уже тому, что новая леди сравнительно тиха, покорна мужу, богобоязненна. Мастер Роберт, управляющий, стал обращать на нее внимание только после того, как она подробно выпросила его о принятом в замке распорядке дня, о чередности трапез, посетила амбары, кладовые, пивоварню, даже до свиарников добралась – во всё впрягалась, всем интересовалась с превеликим усердием. Надо было понять, как оно тут все устроено, в Ущелье, и почему именно так работает – мужнин наказ «пусть всё идет как идет» она крепко помнила. Лично посетила кухню – и там вот свела знакомство с дородной седовласой кухаркой, которую на месте ключницы увидела бы с куда большей охотой, чем грудастую Мораг. С Мораг приходилось говорить и брать у нее ключи, и та была безусловно почтительна без подострастия и всегда готова к услугам. Вроде бы не придерешься... Вот только привычка Мораг Льялл говорить, что думаешь, прямо в лицо – даже если то было лицо графини – последнюю несколько ошарашивала. И сама Кэтрин предпочитала прямооту экивокам, но тут в простоте крылось неуловимое нечто, именно что худшее воровства... Мораг что-то крала у Кэт одним своим присутствием в замке – и вместе с тем никто, как Мораг, не мог столь полно просве-

тить Кэт об обычаях и повседневности Ущелья. Смирив гордыню, как считала она сама, Кэт задавала вопросы и получала ответы: всегда дельные, точные, иногда и те, до которых она бы вовек не дошла сама. Мораг обещала служить – и служила на совесть, надеясь заработать благоволение новой госпожи, как, видать, было и при прежних леди. А новой леди приходилось привыкать к тому, что и тут всё новое. И самым новым и несказуемым был муж, граф Аргайл. Поистине, судьба не готовила Кэт к такому спутнику жизни.

Непривычно было всё. Он не повышал голос, даже когда гневался. Отец Кэтрин, бывало, орал, не стесняясь, и Дуарт от его голоса гремел от голубятни до зерновых амбаров. Муж Кэтрин, напротив, говорил так, что разом гомон ближних стихал, лишь бы внимать ему, потому что упущенное слово Бурого волка могло дорого стоить невнимательному, а то и всему клану Кемпбелл. Он был ровен и спокоен нравом, но так, как могла бы быть спокойна скала, на которой стоит Ущелье, под которой клокочет незримый господень пламень. Когда же дело шло всерьез, тот самый хладнокровный Аргайл мог действовать быстрее болотной гадюки – и бывал столь же смертоносен. Кэт не видела, понятно, ничего такого, но ей тут же принялись петь в уши – то, что у Маклинов считалось слухами о Буром волке, в Ущелье было легендами. Аргайлу повиновались, его боялись до дрожи, на него уповали, но его и любили. На одном страхе не выстроишь такую пирамиду повиновения – это даже Кэт понимала. Он по роли был Агамемнон, однако по пониманию жизни и ухватистости – Одиссей. Латинский том с «Илиадой» случайно оказался в числе книг, приобретенных у купца к свадьбе – Гектор Мор велел же брать потолще, потому к нему добавили и «Одиссею», и том Вергилия, недавно переведенный Гэвином Дугласом на шотландский, новенький и красивый. Выражение лица Аргайла, когда он, зайдя за исполнением долга к жене, увидел стопку книг на сундуке – и да, у него достало любопытства прочесть корешки и заглавия – случилось неопишное. Но что бы он при том моменте ни подумал, ей ничего не сказал – жена, видимо, не входила в число тех, с кем он много и охотно разговаривал.

Он говорил мало, но говорил точно, поэтому когда он замолкал, в воздухе близ него как бы повисало его последнее, еще не прозвучавшее слово. И ощущалось тогда то, что метко описал отец Колум, сказав, что последнее слово Аргайла – почти всегда дирк Аргайла. И по тому сгущенному воздуху, который тогда вмиг охватывал Бурого волка, его предпоследнее слово, бывало, читалось очень хорошо. Кэт не хотела бы увидеть Гиллеспы Роя Арчибальда Кемпбелла в бою – наверняка оно выглядит страшно. Не зря его, молодого, до сей поры проклинают на западном побережье. Она и дома-то не знала, как устроить их общение так, чтоб муж вышел в своем лексиконе за рубеж односложных фраз, выражающих его пожелания, более похожие на приказы – и никогда там не было вопросов о ее пожеланиях. Впечатления человека глупого или жестокого граф не производил, то есть, то ли нужды жены полагал закрытыми общением в спальне и распоряжением по гардеробу, то ли считал, что сама скажет, когда ей потребуется. А Кэт, натурально, робела всякий раз, когда надо было к нему обратиться, хоть и привыкала – пожалуй, привыкнешь тут, если мужчина регулярно является тобой супружески попользоваться. Но робости ей придавала и тайна Аргайла, никак не дающаяся в руки.

В поведении графа было довольно странностей. К примеру, к мессе дома он не ходил. Исповедоваться по воскресеньям перед причастием почитал лишним, пояснив ей сразу же на полном серьезе, что исповедуется при числе убитых более десяти за неделю, а ежели таковых случилось менее, так зачем утруждать священника и Господа лишними разговорами? Молитву перед трапезой полностью доверил читать жене и терпеливо ждал, чтоб приступить к еде, пока она завершится. Но крест на нем был – она проверила как-то ночью, чем, кажется, изрядно повеселила, и носил он его всегда, иначе бы о том среди слуг стало известно незамедлительно. И говорили, что именно Аргайл вместе с Босуэллом держали покров над головой коленопреклоненного регента Аррана, когда тот каялся в отступлении от истинной веры – а как бы ему

архиепископ Сент-Эндрюсский канцлер Битон это позволил, не будь граф Аргайл честным католиком?

Но иногда на него находило – и он залегал в своем логове, в спальне, куда Кэт хода не было, и сутками спал, не выходя для еды, и только Мораг приносила ему поднос с элем и холодным мясом под дверь, также не заглядывая внутрь. Бывало такое обычно после полнолуния, и все в замке, не обсуждая, знали, почему. Еще он уходил в горы. Гиллеспы Рой Арчибалд Кемпбелл, хозяин Ущелья, мог один уйти в горы в ночь по полной луне и вернуться живым. Он один мог выйти на кабана, что человеку разумному в разумение обычно-то не приходит – и валил кабана, добывая голову вепря, совсем как та, что у него в эмблеме. Так ли он был удачлив или все живое бежало при встрече с ним в его подлинном облике волка? Она не знала, и никто не сказал, и сам он молчал – только слухи, которые тоже не лезли в уши, таились под спудом страха перед ним самим, только неясные шепоты, да еще брань Маклинов в Дуарте, когда стало известно о браке. Он охотится на девственниц со сворой белых собак. Он имеет ту женщину, которую захочет, до полусмерти, а после сжирает несчастную, будучи в облике волка. Похоть его безгранична... Что ж, по крайней мере, это уже вранье – ее не заимел и не сожрал, и вообще был с ней спокоен в постели, ровен, замучить до смерти не пытался. Что до девственниц, так судя по болтовне судомоек, донесенной Мораг, это девственницы Ущелья были бы не прочь поохотиться на Аргайла безо всяких собак, по одиночке или всей девичьей сворой – провести с ним ночь как с первым мужчиной считалось за удачу и за честь. Также говорили про оборотневу мету, которая должна быть где-то у него на теле, но под рубахой мет было не видать, а голым Кэтрин его стеснялась рассматривать – когда был с ней и в ней, закрывала глаза. Может быть, когда-нибудь она осмелится и рассмотрит... Но, в сущности, Кэт боялась узнать правду, потому что не понимала, как ей, доброй христианке, тогда ужиться с оборотнем. И куда бежать ей, у кого защиты просить, если вдруг это все-таки правда.

Проще всего было найти в кладовой небольшой ткацкий стан. Дощечки-то, чтоб ткать тесьмы и пояса, она привезла с собой. Когда не знаешь, что делать у чужаков, когда чужаки смотрят на тебя, как на чужака, делай то, что делала у себя дома, имей распорядок дня, свойственный леди. Есть же распорядок у графа Аргайла, который он соблюдает неукоснительно? Мастер Роберт, управляющий, всё обстоятельно объяснил: граф завтракает после рассвета, иногда и вообще обходясь куском хлеба и кружкой эля – умеренно, как настоящий мужчина, хорошо обедает в полдень, может полдничать по желанию – и еда должна быть на тот случай в кухне уже готова, он промедления не терпит – ужинает совсем под сумерки, вечерает у камина с клансменами и виски и отправляется спать. Никаких изысков в пище ему не требуется, он их получает, неся службу при дворе, куда отбывает каждый месяц – иногда и надолго – но вы, леди, сами увидите, как при дворе очень странно кормят. Леди покивала, сама пребывая в раздумчивости по поводу будущего – она совсем еще не рассматривала в перспективе визита ко двору, тут бы дома как-то устроиться.

И вот, именно с целью наконец устроиться, нашла в холле место, куда из окна лил после-полуденный яркий свет, и велела туда тащить столик из спальни, сняв с него зеркало. Мастер Роберт возмущился такому разорению, мол, если миледи хочет другой стол – так зачем этот ломать, что у них, в Ущелье, столов, что ли, недостаточно? И, верно, погнал парней откуда-то принести годный небольшой дубовый столик с резными ножками в виде ветвей чертополоха. Из наследства бабушки господина графа, сказал. Бабушка господина графа была принцессой Стюарт, по вещам, оставшимся от нее, то было очень заметно. Завидев стол, установленный ровно как она хотела – под яркий, но не слепящий наклонный луч, влетающий в окно, Кэт едва не издала непристойный вопль облегчения, настолько это зрелище – посреди всего остального в Ущелье – было ей сродственно и знакомо. Почти скрипторий монастыря Айоны. И, выдав распоряжения по кухне на вечер и следующее утро, она уселась разбирать свои сокровища –

читать, выглаживать листы пергамента, затачивать перья, разводить чернила. На задуманную ею работу по написанию псалтыря – с избранными хотя бы псалмами – материала Кэт явно не хватало, да потом придется еще искать переплетчика в этих краях... Но занятие это настолько ее поглотило, как, бывало, поглощала в детстве игра – что она ушла в него с головой, ничего не видя, не слыша вокруг, и очнулась только когда в холл ввалился супруг с клансменами, вернувшись с охоты. В холл вместе с ними ввалился уже угасающий день, гомон, вопли егерей, обсуждающих охотничью удачу – неизменную охотничью удачу – Аргайла, запах кожи, звериной крови, мокрой шерсти от пледов, мужского пота от разгоряченных тел... Кэт вздрогнула, проснулась и поняла, что солнечный луч давненько сполз со стола, а рука очень устала.

Но распорядок дня графа Аргайла, какой был привычен для него в его владениях, сохранился, никак не рушась от причуд новой графини, а потому граф только усмехнулся, заведя стол с пергаментом, кистями и красками, и опять ничего не сказал.

Огород леди Маргарет понравился Кэтрин куда больше платьев леди Маргарет, к огороду можно было применить свои усилия вот прямо сейчас. Мастер Роберт выделил ей для услуг своих младших внучат Робби и Джен, пообещав, что выдаст и еще, благо имеет их в достатке, коли рук будет не хватать или эти явят недостаточно усердия. На последний случай очень рекомендовал трепать их за уши. Огород лекарственных трав располагался под стеной замка на южном склоне холма – так Кэт впервые вышла за границу своих непосредственных владений. И напоролась на очень недружелюбный взгляд часового со стрелковой галереи... Тот свистнул, и откуда-то словно из-под земли рядом с Кэт возник ражий угрюмый парень, который отправился сопровождать леди на ближайшие четверть мили, прекрасно обозримые со стен.

Сперва Кэт озадачилась, потом спросила прямо, потом попробовала разгневаться – хозяйка она тут или кто? Или Кемпбеллы не доверяют жене своего вождя настолько, что полагают, будто она сбежит, просто выйдя из замка за травами в компании двоих детей?! Провожатый просто шел молча за ней, не обращая внимания на приказы, вопросы и поношения, так же молча, озираясь по сторонам, уселся вблизи заросших вконец грядок и сидел там все время, пока леди с ребятами копалась в земле, ничуть не стыдясь измазаться.

Огород леди Маргарет во времена оны был хорош. Настолько, что Кэт поняла: ей нужен человек, хорошо разбирающийся в травах, названия и вида некоторых она не знала. Однако за три года, за время вдовства Аргайла, земля съела гряды почти целиком, они просели, оставив опознаваемой среди сорняков лишь малую часть бывших здесь некогда растений – тех, вероятно, в которых была нужда: вот мелисса, вот марена, шалфей, петрушка, укроп и тимьян, тмин, цикорий и сельдерей.

Так. Двумя детьми в помощь тут не отделаешься. Завтра же надо послать людей полоть сорняки, вбить столбики, нарезать ивняка и оплести грядки – чтоб не осыпалась земля, а вода, напротив, легко стекала прочь. Те, на которых травы выродились, надо освободить подчистую, на остальных – посмотреть, что можно спасти. Весной всё идет в рост, если освободить место и доступ к солнцу полезным травам...

Едва Кэт шагнула обратно к стенам, немой провожатый легко поднялся и сопроводил леди вплоть до калитки в стене Ущелья, где пропал, ровно и не было вовсе.

Вечером в спальне – он почти никогда не оставался на всю ночь, уходя в дверь за стеной шпалерой – Кэтрин набралась смелости и высказалась мужу в том духе, что не стоит оскорблять ее недоверием, думая, что леди Кемпбелл непременно сбежит, выйдя за стены, и с тем приставлять к ней конвоиров. Или он так относится к ней потому, что она – одна из Маклин, из бывших кровников?

На слове «бывших» граф глянул на нее с иронией, но в целом не понял ее возмущения:

- Так мою и прежнюю, Грэм, провожали, что тут такого? Дело вовсе не в твоём клане, Маклин. Убежать? Не думаю, что ты решишься, да и зачем? Или ты оставила свою любовь на том побережье? Добро бы я взял тебя увозом, но все же было по согласию.

Кэт промолчала. По согласию с ее отцом, да. Кто бы спрашивал ее саму. Кто вообще когда спрашивает женщину? И даже возможность высказать свое мнение в церкви перед алтарем – на самом деле только возможность выразить именно согласие, пусть даже формальное. Слышала она о леди, которая промолчала в ответ на вопрос священника, будучи к браку приведена насильно, но стоило ли так поступить ей? Ей, которая была плотью, подтверждающей мир двух семей? Вот то-то и оно. Когда от твоего брака зависит не просто счастье, а возможность выжить для множества людей...

А муж, понятно, счел ее теперешнее молчание за согласие с ним сейчас. Как же иначе?

- Отсюда бежать до твоих довольно далеко. Дело не в тебе, а во мне.

Вот тут уже Кэт наострила уши.

- Графиня Аргайл – отличная добыча для любого, кто ненавидит меня, Маклин. А таких достаточно. Любой, кто захочет покуситься на тебя, должен иметь опаску, должен видеть, что ты не бываешь без пригляда за стенами Ущелья.

- Почему вы не называете меня по имени, милорд? У меня есть имя.

- Потому что мне так удобно.

И весь разговор.

Пока в Ущелье оставались свадебные гости – очень недолго, ибо его милость лишних едоков не жаловал – дети Аргайла еще попадались мачехе на глаза за трапезой, а после так и вовсе перестали. Это было странно: если Колин вместе с отцом объезжал земли клана и союзных местных вождей и оттого редко лоботрясничал дома, то Дженет точно должна была оставаться в замке. И вместе с тем ее видно не было. Кэтрин выпросила, где находятся комнаты девочки, и направилась туда, дорогой размышляя о пасынках и падчерицах.

Всего их было шестеро, самой старшей из детей мужа была леди Агнесс. Эта старше самой третьей леди Аргайл: дитя буйной юности господина графа, дочь внебрачная, но признанная отцом и воспитанная в монастыре, где и посейчас пребывала, пока отец раздумывал о годной для нее партии. Хотя в замужней жизни пока было особенно не на что жаловаться, Кэт чуть-чуть падчерице в том позавидовала – монастырская жизнь с ее упорядоченностью и покоем казалась очень желанной. Дальше шел мастер Аргайл, рожденный от брака с леди Элен Гамильтон, сестрой нынешнего регента королевства графа Аррана, носивший семейное имя у Кемпбеллов – Арчибальд. Тот находился сейчас на западе, в Инверери, где блюл интересы отца и земель, исполняя обязанности военного вождя клана в отсутствие самого Аргайла. О нем Кэт также не знала ничего. У того мастера Аргайла имелась сестрица Джен, ныне уже замужняя, леди Тирконнелл, удачно выданная отцом в Ирландию. Трое Кемпбеллов, родившиеся у мужа от покойной Маргарет Грэм, ее предшественницы, для Кэтрин казались чуть более понятны, потому что слегка знакомы. Все трое довольно невзрачны, крепки здоровьем, но если Колин в свои пятнадцать – нескладный молодой лосенок ростом уже с отца, то девочки – и Маргарет, которую она успела застать в Дуарте, и Дженет (вторая в семье, неужто нельзя было хоть именем выделить это дитя?), несшая ее трен на свадьбе – казались блеклыми тихонями. Джен так и вообще обычно смотрела в пол и говорила только «да» и «нет» на любой обращенный к ней вопрос. Но это, конечно, вовсе не повод для нее сидеть взаперти.

Когда миледи внезапно вошла, девочка, сидящая на полу у огня в обнимку с куклой, вздрогнула. Джен была похожа на лисенка, утратившего лисицу-мать, свернувшегося клубком глубоко в норе, бесполезно ожидающего, что та все-таки возвратится... И от этого зрелища Кэт стало больно. Сколько дней Джен провела так – в одиночку, в детской, достаточно уютной, вероятно, устроенной еще руками леди Маргарет – ожидая перемены к лучшему, которой

никогда не придет, потому что матери больше нет? Пока была сестра, девочке хоть было не так одиноко...

- Поднимайся, Дженет, пойдем со мной!

- Куда, миледи?

- Вниз, конечно! Разве тебе не скучно сидеть тут весь день одной? Разве ты не хочешь играть где-то еще, не только у себя?

- Благодарю вас, леди, я не пойду.

Как странно, думала Кэт, все трое детей Маргарет Грэм с первого взгляда вовсе не похожи на Аргайла – разве что у Колина есть в чертах что-то от отца, а вот у младшей тот же непроницаемый взор. Некрасивая девочка, но с явным характером.

- Почему же? Ты больна? Тебе нужен лекарь?

- Нет, я здорова. Только есть хочу.

- Пойдем поедим со мной.

- Благодарю вас, леди, я не пойду. Нэн принесет сюда. Нэн говорит, мне не стоит гневить вас, лишний раз попадаясь на глаза. Нэн рассказывала мне сказку – так там мачеха накормила мальчика четвероногой рыбой, и он умер, и очень мучился перед смертью... Я не хочу есть четвероногую рыбу, миледи.

Кэт сперва онемела, потом с трудом справилась с собой:

- Кто такая Нэн?

- Не скажу. Вы будете ее бранить...

- Нэн – это я, - раздался недобрый голос из угла комнаты, и тут Кэтрин увидела старуху, сидящую в темном углу, доселе скрытую пологом постели.

Ее легко было с первого взгляда принять за кучу тряпья – довольно чистого, впрочем – но когда она заговорила и пошевелилась, на Кэт уставились очень темные, пронизательные глаза с резким взглядом. У кого-то тут Кэт уже видела такой же ястребиный взгляд... Старуха, не смущаясь, отвечала на незаданный вопрос:

- Всё верно, миледи, та Нэн, молодая, что приводили к вам лекаркой – та моя дочь, а я была нянькой вот им... Пока не разъехались. Эта одна осталась.

И так горько она это сказала...

- Напрасно ты, Нэн, рассказываешь сказки, от которых леди Дженет целыми днями сидит взаперти, будто она чужая в родном доме.

- Был у нее родной дом при матери. А при отце, который всегда в разъездах, да при новой жене его...

- Пусть и жена, да ведь не пугало для его дочери!

- Как народятся у вас с ним дети, так будет у вас своя дочь. А не мужнина. Только так и бывает.

- Бывает по-разному, Нэн. Все дети мне равно желанны в доме моего супруга.

- Так говорят, миледи, - последовал угрюмый ответ. - Но судят-то по делам.

Да, с этой трудно будет, подумала Кэт. Это ж она как Сорча по нраву, а летами еще и старше, и вредней, и детей прежней хозяйки, которых сама и вырастила, будет не щадя живота защищать.

- А за делами, - прямо отвечала Кэтрин, - вот ты и приглядишь! Сама и скажешь его милости, если от меня что не так будет к его дочери. А теперь, Джен, пойдем со мной в холл, будем обедать. Бери свою куклу, ее тоже накормим! Любишь ли ты сказки? У меня есть книжка с картинками!

Стирали прачки на ручье Заботы, форель ловилась в ручье Печали, и вкусна была та форель, несмотря на то, откуда ее выудили. Кэтрин Кемпбелл создала себе подобие распорядка, вроде как у его милости, и строго его придерживалась – монастырь кого хочешь научит

дисциплине, монастырь Айоны, всё более подергивающийся пеленой тумана воспоминаний. К туману она привыкала и тут, в горах – привыкала смотреть на белесую хмарь, наползающую на замок снизу холма. В Дуарте или в Айоне, когда смотришь на море, совсем не так. А еще здесь, подобно туману, из углов замка наползали слухи. Болтать про Аргайла надо было иметь железные яйца, но и про него поговаривали, а теперь-то появилась новая графиня! Зайдя в кухню в слишком ранний час, когда там и были в основном слуги, проходя мимо кладовой, Кэт некстати ухватила обрывок разговора – и обе говорившие были ей уже знакомы. Старческий голос брюзжал на хозяина помаленьку:

- Вообще не дело это – в его лета жениться на молоденькой. Женился б на вдове, а то, вишь, девку взял с другого берега...

- Не наше дело, Нэн, судить, что и как делать ему. Особливо жениться.

- Новая леди вроде как незлая, да тоща только, точно ее одной рыбьей чешуей откармливали там у нее на острове.

- Ничего, тут отъестся.

- Так он же любит, чтоб с сиськами. А, Мораг?

- С сиськами он себе тут и так завсегда найдет... коли захочет. А пока и на эту не жаловался. Вон, почти каждую ночь пашет на ней, на свежей-то кобылке. Не надоело ему...

Надо было сохранить лицо, потому выдохнула, молча прошла мимо кладовой в кухню, хотя голоса те стучали в голове молотком, всё повторяя одно и то же. Ладно бы про «попышнее». Но Кэт не могла отогнать от себя мысль, а что же делает муж в те ночи, которые не являются почти каждыми? И вторую мысль, еще более гаденькую: что когда муж дома – и ключница как-то меньше попадает на глаза, особенно по вечерам. И не давала ей покоя досада в голосе ключицы, когда та процедила сквозь зубы «не надоело».

Но ключница, тем не менее, была весьма полезна. Без Мораг Кэт нипочем не разобралась бы в изнанке хозяйства большого замка, за лицо которого отвечал мастер Роберт, ведь именно Мораг знала, что почем в амбарах и кладовых. И всю изнанку человеческого роя, обитавшего в Ущелье, знала тоже. С тем и приходила к графине – с нуждами низших, с теми просьбами, которыми не обрменишь великого Аргайла – ему-то, понятно, недосуг за делами знать, чья курица убежала к какому соседу, и почему с того надлежит взыскать. И кто из прислуги хвор нынче, и почему неплохо бы послать ему немного жидкого хлеба – согреться – и пару монет. Забота о сырых – непременная обязанность хозяйки большого дома, и Кэт никогда не отказывала. Ровно до того, пока сам Аргайл не велел ей поменьше милосердничать – конюх, к примеру, третьего дня был просто пьян, а не болен, и новая порция выпивки с закуской его точно не протрезвит к добродетели. Кэт ужасно сконфузилась, порешив проверять всё отныне самой, не через Мораг передавать вспомоществование. Знала же она всех в Дуарте от мала до велика? А здесь-то что стесняется? Графинею быть – надо такое лицо иметь, какое сестрица мужнина, что ни день, носит: «Сама всё знаю и умею, а вы все дураки». Привыкать надо быть графинею.

Но привыкалось пока умеренно. Перестала верить в каждой мелочи Мораг, начала переспрашивать отца Колума о том, кто в замке какого нрава, чтоб не попасть впросак. Привыкла принимать слухи, но привыкла их и проверять, сама навещала больных – следить за здоровьем прислуги есть обязанность хорошей хозяйки. Пытаться понять нужды, потребности, пристрастия мужа – тоже обязанность хорошей хозяйки. И жены. Покамест кроме совместного времени в спальне – весьма короткого – не было ничего общего в жизнях графа и графини Аргайл.

- Мораг, а что его милость любит? В смысле еды... Есть у господина графа любимые блюда?

- Баб он любит, миледи. Сами поняли, должно быть, уже. А что есть – тут ему без разницы, было бы свежее да горячее. С бабами, впрочем, то же то самое – свежее да горячее подавай. Тут тоже всё берет.

Да, совсем не то, что Кэт ожидала услышать при невинном вопросе про еду. А Мораг продолжала повествовать, как и всегда, с отменной простотой:

- Ему, главное, не отказывать, миледи. Не терпит он этого.

- Что значит не терпит? Бьет?

- Этого не знаю. Меня не бил. Но не любит, когда дают не от сердца, чувствует это всегда.

Лжет, подумала Кэтрин, кабы чуял – уж понял бы, что она с ним как раз не от сердца. А потому что должна, повенчали, надо, супружеский долг. Да и поди откажи такому... Муж подавлял своей персоной – даже в отрыве от просто физической силищи, которая для средних размеров мужчины у него была просто чудовищная. Хотя оборотней так и визнают – по силе, превосходящей обычного человека, если оборотень не удосужится спрятать ее. Свежей, Кэтрин, наверное, и была, но горячее, что бы оно ни значило, точно себя не ощущала. Не от сердца... Да можно мужчине и не от сердца давать, коли муж, можно просто терпеть. Так же все делают или почти все. К тому же, когда он гладит ее в особых местах – это бывает приятно, а вот остальное... далеко уже не так, как девицы вздыхают до свадьбы, мечтая. Кэт не мечтала, но чужие мечты слышать доводилось, и теперь она не понимала их вот совсем. Порой Кэт казалось, что муж устраивал бы ее куда больше, кабы не нужно было с ним спать – и понимала при том, что по сравнению с иными прочими муж ей достался чистое золото: гардероб подарил – перешивай не хочу, не бьет почему зря, в спальне не принуждает к странному и запретному, да еще и большую часть времени не дома, в разъездах, только за ужином, бывало, и увидишься. Если бы еще по лицу его, по словам или еще как научиться понимать, доволен ли он ею как женой или нет... Но нет в мире полноты совершенства ни в чем, кроме Господа нашего, а потому и самому лучшему мужу всегда чего-то недостает.

В спальне у огня теперь стояли пяльцы, в холле на свету – ткацкий станок и столик с пергаментом, кистями и красками. На огороде леди Маргарет, тыфу ты, ее огороде заново насыпали грядки, переплели изгороди, пропололи сорняки. Сама и прополола – почти везде, да еще падчерицу Джен с собой взяла, показывала ей, где какие травы посажены, чем пахнут, от чего и как помогают. Теперь, вместе с вездесущим молчаливым стражем (Йан, его звали Йан) на пригорке, сверля Кэт темным взором, восседала старая Нэн – но Кэтрин до того не было дела, когда они с Дженет, хохоча, после работы бегали еще и в догонялки по склону холма. Пусть старуха думает что угодно, а уж она-то девочке не враг. Дженет и впрямь оттаивала, становилась живее и даже милее личиком, чем показалось с первого взгляда, и Кэтрин возилась с ней, как возилась бы с младшей сестрой – благо, было у нее тех младших сестер в достатке. Джен ходила за мачехой хвостом, Джен смотрела, как та скручивает канитель для вышивки алтарного покрова, Джен принялась сама шить из лоскутков платья для своих кукол, Джен помогала натягивать основу на ткацкий стан, завязывая маленькие узелки в местах крепления нитей.

- Дженет, а читать ты умеешь?

- Нет, ваша милость.

- Как же можно девице не уметь читать? Чему ты сможешь научить своих детей?

И вот к пергаменту на столике в холле добавились перо, бумага, восковые таблички – писать буквы, складывать цифры. К июню младшая Кемпбелл уже могла написать самостоятельно первые слова из *Pater noster* и перемножить двойку на все числа до десяти. Аргайл, как-то вернувшись домой в час урока, глянул не столько на дочь, сколько на жену одним из тех своих непонятных взглядов, за которыми могли скрываться равно восхищение и усмешка:

- Маклин, ты и считать умеешь?

- Милорд!

А потом привезли Колина.

Спасибо, Боженька, думала потом Кэтрин, что привезли его так вовремя. В смысле, ранение никогда не бывает вовремя, да еще тяжелое, но все ж таки успела она хоть какой-то урожай снять со своего аптекарского огорода, и было из чего делать настои для промывания, для снятия боли, от лихорадки. Колин неудачно сходил на охоту, кабан распорол ему бок – да еще в ту рану попала грязь, пока добрались до дома, она и загноилась. И промывание причиняло бедняге сильную боль, аж криком кричал, а без промывания и смены повязок было никак не обойтись.

У постели мастера Кемпбелла сошлись они втроем, как три парки: она сама, молодая Нэн, лекарка, да старая нянька Нэн. И Кэтрин с ужасом думала, как бы, как той парке, ей не пришлось обрезать нить. И другие две были явно и безыскусно удивлены желанием Кэтрин помочь и тому, что графиня Аргайл собирается возиться с пасынком сама. А Кэт никаких речей более не говорила, просто переодевала, мыла, готовила настои, нарочно и прилюдно пробуя те настои сама – надоело ей повторять одно и то же для маловеров. Три дня Колин лежал в жару, и дело становилось все хуже, за Аргайлом послали гонца в Стерлинг, но уверенности, что он успеет увидеть сына, не было никакой... На четвертый день, несмотря на то, что рана, на взгляд Кэтрин и младшей Нэн, выглядела куда лучше, чем поначалу, подросток впал в забытие. Отец Колум уже и соборовал его, беспамятного, оставалось молиться да ждать отца, чтоб хотя бы простился. Кэт и молилась беззвучно – и когда отмачивала повязку на ране, и когда прикладывала новую – а Колин так измучился, что и не протестовал. Глаза у него были почти постоянно закрыты, дышал жарко и болезненно. И выглядел сейчас куда моложе своих лет – с заострившимся носом и чуть впавшими щеками, когда Кэт потянулась поправить подушку, и вдруг...

- Мама! - сказал Колин по-детски, что совершенно не вязалось с его обычными повадками и видом молодого лосенка. - Маменька!

И, не открывая глаз, не приходя в сознание, потянулся, ласково прильнул лбом к ее руке.

- Не отказываетесь, не называетесь, леди, - шепнула старая Нэн, - спаси вас Господь, молчите только! Очень он мать любил, большее прочих ему пришлось, мастеру Колину, маленькие-то забыли уже почти...

Кэт молча заплакала и тихонечко принялась гладить Колина свободной рукой по волосам. Так он и уснул, прижавшись щекой к ее ладони.

Когда пробудился – со слабой улыбкой – уже стемнело. Кэт ощущала себя разбитой, тело затекло и болело от неудобной позы, в которой она просидела у постели пасынка, но того пробил пот, и жара больше не ощущалось.

- Как ты, Колин, сильно болит?

- Болит, миледи, но это ничего, я поправлюсь. Я точно знаю. Маменька во сне приходила и по голове гладила... Такой был сон хороший!

Кэтрин было ужасно стыдно за обман, но и понимала она, что признаваться ни к коем случае не следует.

Тут дверь в комнату Колина отворилась со скрипом – к сыну наконец прибыл его милость граф. Кэтрин с облегчением вышла, оставив их, чувствуя, что ноги у нее подкашиваются – три ночи спала урывками, всегда готовая сорваться и бежать к постели больного, а ела и того меньше. Теперь-то она, слава Богу, может сложить с себя ответственность за мастера Кемпбелла... Сорча, ворча, увлекла ее переодеваться, мыться, надобно же еще выйти к столу. Она бы с удовольствием поела у себя, но внезапный визит мужа требовал соблюсти порядок. Известно, что думал о порядке сам муж, однако долго смотрел на нее, едва не падающую носом в блюдо за ужином, прозрачную от недосыпа, а потом так и сказал – при всех домочадцах:

- Спасибо, Маклин!

Кэт так удивилась очевидному, что смешалась и вовсе не смогла ответить.

А вечером в спальне просто заснула, едва недвусмысленно обнял, и сквозь сон опять удивилась, что муж не сделал и попытки разбудить ее для отдачи того самого долга.

Тот приезд – неурочный – затянулся на целых три дня, пока Аргайла не хватились в Стерлинге. Провел он их как обычно: разбирая дела клансменов и арендаторов, да за походами в горы. Тогда же, войдя в холл из часовни после благодарственной мессы за здоровье Колина, Кэт увидела Мораг, которая что-то подшивала, сидя у огня, и, приглядевшись, Кэтрин заметила у той в руках порванную рубашку мужа – ту самую, в которой граф нынче уходил в лес. До этого момента госпожа графиня не задумывалась, кто подшивает графу белье, полагая это заботой иных служанок и швей, но тут... Тут как-то покорило. Покорило очень сильно, потому что ровно легло на прямотушные откровения Мораг, на ее «не надоело ему» и «с сиськами найдет». Женщина, у которой в руках ключи от ее кладовых, прикасается к укромному и интимному – к нательной рубашке ее мужа! Да куда же это годится! Кэтрин не ревновала, нет, Кэтрин была в бешенстве – и сама себе удивлялась. И как добрая христианка, и потому, что не представляла, как ей донести до графа всю непристойность сложившейся ситуации. Понятно, пока он был вдов, но теперь-то! А когда не знаешь, как сказать – говори как есть.

Спальня по-прежнему оставалась чуть ли не единственным местом в доме, где они говорили.

- Милорд, нынче я видела в руках у Мораг вашу сорочку.

Взглянул на нее, явно не понимая:

- И что не так, Маклин?

- Почему она чинит ваше нательное белье, милорд?

- А что ж такого? Или ты станешь латать и подшивать мне исподнее?

- Или не я вам супруга, а... Мораг? - ну вот, она это и сказала. - Слыхала, одной королеве английской не зазорно было шить королю рубахи да лечить своего супруга. Разве я хуже королеввы английской?

- Лучше, - казалось, ей удалось позабавить самого грозного Аргайла. - Ты ведь моя жена. Добро, велю нести тряпки к тебе.

Она не поняла, понравилась ли ему ее резкость, но он точно не рассердился. Мораг бесшестно и покорно отдала рубашки господина в ведение госпожи, однако, когда у той случились регулы, сообщила почти равнодушным голосом:

- Он вроде как вчера был с Эйрин, посудомойкой, но это не точно, ваша милость, не извольте беспокоиться.

И взгляд чистый такой, ясный, сразу видно, что услужить хотела.

- Ах ты ж... паскуда! - шипела Сорча.

Сорча Макдональд, в отличие от своей госпожи, была твердо убеждена, что нету ничего в Мораг Льял от истинной простоты.

В спальню мужа Кэтрин, верная запрету, так и не заходила. Хотя вот эти все разговорчики – и сведения, принесенные Мораг, и болтовня, вообще ходившая по замку – намекали на многое из того, о чем добрая жена узнает последней. А из каморки рядом со спальней мужа порой что-то выло, словно адский дух. Иногда молчало, иногда вздыхало оттуда по-человечески. В той самой каморке, запертой на маленький ключик, висевший на поясе ключницы в общей связке.

- Что там, Мораг? Ты бывала внутри?

- Что вы, ваша милость. Он не велел. Ни я не была, ни кто другой из его леди – ни разу не просили меня открыть. Говорят, там в истинном своем виде обитают демоны его похоти, алчности и злобы, в нашем мире имеющие вид белых собак. Мы видим их как собак... Говорят, что если тех демонов изгнать из собак или собак убить, то и хозяин их спасет свою душу.

Что ж, Кэтрин их видела. Именно благодаря тем тварям мог, в том числе, ее муж ходить в горы, не боясь других волков – Тролль и Фрейя давили тех волков, как крысят.

- Но утратит часть своей силы?

- Да, леди, так говорят. А он... Он предпочитает безграничную силу спасению души. Видно ведь.

Тролль и Фрейя звались собаки Аргайла. С ними он ходил в горы, их кормил с руки, с ними уезжал на охоту, на кровную вражду, ко двору, их Кэтрин и видела в ночь своей свадьбы на Белтейн, стоя у окна в башне. И только его признавала эта бешеная пара за хозяина, все псари подходили к ним с опаской. К гончим Аргайл был равнодушен всегда, с молодости, но эти твари гончими очевидно не были: мощный подгрудок при ударе в схватке валил наземь матерого волка, а их квадратные морды, маленькие рыбки глазки, челюсти, словно откованные из миланской стали, наводили ужас на любого доброго христианина. Откуда они завелись у Аргайла, никто не знал – его милость вернулся с ними из дальнего путешествия за Канал с покойным королем, а там щенков, если верить слухам, Аргайлу продал некий французский псарь вместе с проклятием. В собаках таких, мол, живет часть силы их хозяина, пока живы псы – и хозяина не одолеть. Пара белых тварей невероятных для обычной собаки статей, они днем вели себя как обычные псы, они случались с обычными гончими – Тролль покрыл всех здешних сук, за Фрейю бились лучшие, но подпускала она к себе кобеля только в отсутствие Тролля – но никто из потомства не достиг роста и мощи родителей, никто не был настолько похож на демонов в собачьем обличье. Свора Аргайла славилась на всё Нагорье, но родоначальников той своры прямо боялись свои и чужие. Все, кроме самого Аргайла. Ласковые, как телята, огромные твари ластились к нему, ставили лапы на плечи, облизывали лицо... Ни к кому из ближних, ни даже к детям своим Аргайл не обращался таким воркующим, нежным голосом... и лицо его разительно преображалось при этом. Кэт и не поверила, услышав, что у мужа вообще может быть такой голос, это у него-то, что ни день говорящего ей хорошо два слова за вечер, и всё приказами. Аргайл и прогуливал их сам, садясь в седло или уходя пешком, и натаскивал сам: Кэт как-то раз видела в окно, как они бросались вперед по его единому жесту, рвали соломенное чучело, завернутое в плед, чтоб было как бы подобие человека... С охоты собаки Аргайла обычно возвращались с окровавленными мордами – сожрав брюхо загнанному оленю – и Кэтрин хотелось верить, что то был только олень.

- Мораг, ты должна мне открыть.

- Не могу, миледи, и не стану. Он убьет меня, если что-то случится с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.